

I.

Значеніе вѣры, понимаемой въ смыслѣ религіи, въ жизни человѣка. Почему люди стремятся научить другихъ своей вѣрѣ? Какъ нужно смотрѣть на тѣ ненормальныя средства, къ которымъ люди прибѣгаютъ иногда, при распространеніи своихъ вѣрованій? Всѣ ли религіи ложны? Истинность христіанской религіи. Безуспѣшность попытокъ нѣкоторыхъ естествоиспытателей низвести христіанскую религію въ разрядъ естественныхъ религій. Можетъ ли человѣкъ жить безъ религіи? Возможно ли запретить людямъ учительство? Взглядъ отцевъ и учителей Церкви на свободу совѣсти.—Что такое христіанская Церковь? Откуда она ведетъ свое начало? Что имѣлъ въ виду Іисусъ Христосъ, какъ Учитель? Можно ли ограничивать дѣятельность Іисуса Христа однимъ учительствомъ? Чего требовалъ Іисусъ Христосъ отъ своихъ послѣдователей? Почему онъ назвалъ общество Своихъ послѣдователей «Церковію» (ἐκκλησία)? Обязанности, возложенныя Спасителемъ на Апостоловъ. Чему учать христіанъ пастыри Церкви?

Гр. Л. Толстой начинаетъ свое сочиненіе «Церковь и государство» съ опредѣленія вѣры. «Вѣра, говоритъ онъ, есть смыслъ, даваемый жизни, есть то, что даетъ силу, направленіе жизни. Каждый живущій человѣкъ находитъ этотъ смыслъ и живетъ на основаніи его. Если не найдетъ, то онъ умираетъ». По поводу этихъ словъ мы должны сказать, что Толстой опредѣляетъ вѣру, понимаемую въ смыслѣ религіи, неправильно. Подъ именемъ вѣры у людей разумѣется обыкновенно взаимное единеніе человѣка съ Богомъ. Безъ представленія о личномъ Богѣ немыслима и вѣра. Для того, что Толстой считаетъ вѣрой, есть другой, болѣе точный терминъ,—именно міросозерцаніе. Послѣднее, дѣйствительно, вырабатывается самимъ человѣкомъ. Вѣра же въ смыслѣ религіознаго представленія о Богѣ зачинается въ душѣ человѣка очень рано,—когда онъ еще не задается вопросомъ о цѣли жизни; на первыхъ порахъ она является обыкновенно въ видѣ безотчетнаго чувства благоговѣнія предъ Творцемъ вселенной,—благо-

говѣнія, соединеннаго съ надеждою на помощь Божію. Это чувство благоговѣнія предъ Виновникомъ всего — Богомъ не исчезаетъ у человѣка и тогда, когда безотчетныя религіозныя представленія его получаютъ такое или иное разумное обоснованіе, и у него вырабатывается опредѣленное міросозерцаніе. Отсюда вѣра не есть нѣчто искомое, какъ думаетъ Толстой;—такимъ искомымъ является міросозерцаніе;—а есть нѣчто, такъ сказать, готовое, неизмѣнное въ человѣкѣ; послѣдній, можно сказать, родится и умираетъ съ нею. Если же и случается иногда, что человѣкъ лишается вѣры въ Бога, то на это нужно смотрѣть, какъ на печальное исключеніе. Потеря вѣры отзывается самыми печальными слѣдствіями на духовной природѣ человѣка. За нею слѣдуетъ обыкновенно пессимистическое воззрѣніе на жизнь и разочарованіе въ послѣдней. По Толстому, разочарованіе въ жизни является результатомъ того, что человѣкъ не находитъ смысла жизни, или, выражаясь яснѣе, не составилъ своего опредѣленнаго міросозерцанія. Но съ такимъ мнѣніемъ мы не можемъ согласиться. Главная причина разочарованія всегда лежитъ въ потерѣ вѣры въ Бога. Человѣкъ, который имѣетъ вѣру въ Бога, но не успѣлъ выработать себѣ полное, опредѣленное міросозерцаніе, никогда не разочаруется въ жизни. Если онъ не сознаетъ ясно цѣли всего бытія, то онъ все-таки вѣритъ, что эта цѣль есть, и эта вѣра поддерживаетъ его во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Вотъ почему между прочимъ среди простого народа, вѣрующаго въ простотѣ души, почти совсѣмъ не бываетъ людей, разочаровавшихся въ жизни. Послѣднее есть достояніе людей интеллигентныхъ, которые, потерявъ вѣру въ Бога, не могутъ выработать своего опредѣленнаго взгляда на конечную цѣль бытія. Не даромъ также философія пессимизма «призывающая, по справедливому замѣчанію одного мыслителя, все человѣчество надѣть себѣ на шею петлю» есть порожденіе народа, достигшаго высшей степени умственного развитія. Философія Толстого, отрицая бытіе личнаго Бога, и не давая въ то же время яснаго представленія о цѣли жизни, также можетъ вести человѣка только къ разочарованію въ послѣдней.

Совершенно превратно Толстой понимает и откровение. Сказавъ, что безуспѣшное исканіе смысла жизни влечетъ за собою смерть, онъ продолжаетъ: «Въ исканіи смысла человѣкъ пользуется всѣмъ тѣмъ, что выработало все человѣчество. Все это выработанное человѣчествомъ называется откровеніемъ. Откровеніе есть то, что помогаетъ человѣку понять смыслъ жизни. Вотъ отношеніе человѣка къ вѣрѣ». Самое слово «откровеніе» показываетъ уже, что подъ откровеніемъ люди разумѣютъ не то, что они выработали сами, а то, что открыто имъ кѣмъ-то другимъ. Это другое существо есть Богъ. Поэтому христіанская Церковь даетъ самое точное понятіе объ откровеніи, опредѣляя его, какъ «все то, что Богъ открылъ людямъ, дабы они могли право и спасительно вѣровать въ Него и достойно чтить Его». Смотри на вѣроученіе христіанской религіи, какъ на произведеніе человѣческаго ума,—притомъ ума извращеннаго,—Толстой ни въ коемъ случаѣ не долженъ бы былъ называть это вѣроученіе откровеніемъ. Такая неточность выраженія влечетъ за собою одни только недоразумѣнія, а не уясненіе сущности дѣла ¹⁾.

Послѣ предварительныхъ замѣчаній о вѣрѣ и откровеніи Толстой переходитъ къ изложенію своего взгляда на отношеніе однихъ людей къ вѣрованіямъ другихъ. «Что-же за удивительная вещь, пишетъ онъ, являются люди, которые изъ кожи лѣзутъ вонъ для того, чтобы другіе люди пользовались непременно этой, а не той формой откровенія; не могутъ быть покойны, пока другіе не примутъ ихъ, именно ихъ формы откровенія; проклинаятъ, казнятъ, убиваютъ всѣхъ, кого могутъ, изъ несогласныхъ. Другіе тоже самое дѣлаютъ: проклинаятъ, казнятъ, убиваютъ всѣхъ, кого могутъ, изъ несогласныхъ; третьи— тоже самое. И такъ всѣ другъ друга проклинаятъ, казнятъ, убиваютъ, требуя, чтобы всѣ вѣрили, какъ они. И выходитъ, что ихъ сотни вѣрь, и всѣ проклинаятъ, казнятъ и убиваютъ другъ друга». Въ желаніи людей научить другихъ своей вѣрѣ нѣтъ ничего удивительнаго. Это—психи-

¹⁾ О сверхъестественномъ происхожденіи христіанской религіи мы будемъ говорить въ особой статьѣ.

ческий законъ; и въ немъ открывается лучшая черта человѣческаго духа. Считаая свою вѣру истинной и дающей человѣку спасеніе, люди, въ силу присущаго имъ человѣколюбія, естественно должны стараться о томъ, чтобы научить другихъ своей вѣрѣ и тѣмъ самымъ доставить имъ блаженство. «Не стыжусь благовѣствованія Христова, пишетъ ап. Павелъ, въ своемъ посланіи къ Римлянамъ; потому что оно есть сила Божія, ко спасенію всякому вѣрующему, во-первыхъ Іудею, потомъ и Еллину». (Рим. I, 16). Эти слова ап. Павла можно приложить къ миссіонерамъ всѣхъ религій. У всѣхъ главнымъ мотивомъ къ проповѣди служить желаніе подѣлиться своимъ счастіемъ съ другими. Это стремленіе доставить другимъ спасеніе у нѣкоторыхъ людей бываетъ такъ сильно, что они не могутъ отказаться отъ него, если имъ угрожаетъ даже гибель. Когда одного діакона, проповѣдывающаго христіанство въ Персіи, хотѣли сначала мучить, но потомъ рѣшили отпустить его, взявъ только съ него слово не проповѣдывать болѣе своей религіи, то онъ отвѣтилъ: «Не могу! Я и другимъ долженъ сообщать тотъ свѣтъ истины, который самъ получилъ»¹⁾. Даже тогда, когда учителя той или другой религіи средствомъ къ распространенію своей вѣры ставятъ самыя гнусныя дѣйствія, мысль о счастіи страждущаго человѣчества не покидаетъ ихъ. Лучшимъ примѣромъ тому служить средневѣковое католичество. Жестокое отношеніе его къ иновѣрцамъ было прямымъ слѣдствіемъ желанія спасти заблуждающихся. «Еретики, разсуждалъ одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ истолкователей папскихъ идей—Белларминъ,—справедливо подвергаются экскомуникаціи по суду церкви. Но нѣтъ наказанія тяжелѣйшаго экскомуникаціи. Слѣдовательно еретиковъ тѣмъ естественнѣе осуждать на смерть, какъ на сравнительно легчайшее наказаніе, когда по отношенію къ нимъ допущено уже наказаніе сравнительно тяжелѣйшее! Смерть для еретиковъ есть даже благо, потому что, чѣмъ болѣе живутъ они, тѣмъ болѣе увеличиваютъ количество своихъ преступленій предъ церковію; слѣдовательно смерть только уменьшаетъ это количество пре-

¹⁾ «О вѣротерпимости» В. О. Кипарисова.—Прав. Обозр. 1883 г. Май—Іюнь
Стр. 97.

ступлений, за которыя они имѣютъ въ свое время дать отвѣтъ Богу» ¹⁾. Государи, препятствующіе дѣйствіямъ инквизиціи, по мнѣнію одного папскаго канониста, побуждаются не гуманностію, а ненавистію къ вѣрѣ ²⁾. Мы не имѣемъ никакихъ основаній отрицать искренность этихъ разсужденій. Имъ могутъ не вѣрить люди, привыкшіе только осуждать дурныя дѣйствія преступника, а не вникать въ ихъ причину.

Но если стремленіе къ учительству имѣетъ свою основу въ самой природѣ души человѣка, то тѣ ненормальныя средства, къ которымъ иногда прибѣгаютъ учителя для болѣе успѣшнаго распространенія своихъ воззрѣній, обусловливаются личными взглядами и убѣжденіями самихъ учителей. Считать эти ненормальности необходимою принадлежностью всѣхъ религій, какъ дѣлаетъ Толстой, по меньшей мѣрѣ странно. Мы знаемъ изъ исторіи, что къ проклятіямъ, казнямъ и убійствамъ прибѣгали часто такіе люди, которые открыто объявляли себя врагами всѣхъ религій, и девизомъ своей проповѣди ставили: «свобода и разумъ». Нагляднымъ примѣромъ въ данномъ случаѣ могутъ служить явленія, сопровождавшія первую французскую революцію. Было бы долго описывать всѣ тѣ ужасы, которыми сопровождалось тогда введеніе новаго евангелія, извѣстнаго подъ именемъ «деклараціи человѣческихъ правъ». Скажемъ только, что «богу свободы и разума» было въ то время принесено слишкомъ много человѣческихъ жертвъ... Неужели же на основаніи такихъ печальныхъ происшествій, ознаменовавшихъ первую французскую революцію, мы должны сказать, что главный корень этихъ происшествій заключается въ свободѣ и разумѣ?...

Но Толстой, мало того, что въ самой религіи видитъ источникъ всѣхъ золъ, допускаемыхъ иногда вѣрующими людьми, онъ, на основаніи этихъ золъ, заключаетъ даже, что всякая религія есть обманъ. «Я сначала, говоритъ онъ, былъ пораженъ тѣмъ, какъ такая очевидная бессмыслица, такое очевидное противорѣчіе не уничтожаетъ самую вѣру, какъ могли

¹⁾ Opp. Controversiar. prae-fat. t. II, p. 220.—Пр. Об. 1881 г. Окт. стр. 288.

²⁾ Besmenes Haresretic. p. 848, 870—2. Пр. Об. 1881 г. Окт. стр. 294.

оставаться люди, вѣрующіе въ этотъ обманъ. И дѣйствительно, съ общей точки зрѣнія это непостижимо, и неопровержимо доказываетъ, что всякая вѣра есть обманъ, и что все это есть суевѣріе, что и доказываетъ царствующая теперь философія. Глядя съ общей точки зрѣнія, и я неотразимо пришелъ къ признанію того, что всѣ вѣры—обманы людскіе». На сколько въ данномъ случаѣ сильна логика Толстого, объ этомъ пусть судить самъ читатель. Мы съ своей стороны только удивляемся, какъ могъ Толстой придти къ такому выводу. Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи того, что между послѣдователями религій есть много обманщиковъ, онъ заключаетъ, что всѣ вѣры—обманъ. Это все равно, что изъ того, что во всѣхъ человѣческихъ расахъ есть идіоты, сдѣлать заключеніе, что всѣ человѣческія расы производятъ однихъ только идіотовъ. Сознавая, можетъ быть, слабость своихъ доводовъ, Толстой ссылается,—что съ нимъ бываетъ очень рѣдко,—на царствующую нынѣ философію, которая, будто-бы, доказала, что всѣ вѣры—обманъ. Не знаемъ, какую философію разумѣтъ Толстой. Намъ извѣстно одно, что никакая философская система не доказала, что вѣра въ личнаго Бога, а въ частности въ Божество Христа есть обманъ. Претензіи нѣкоторыхъ естествоиспытателей вывести происхожденіе всѣхъ религій и въ частности христіанской изъ умственного невѣжества людей опровергаются многими другими, не менѣе ихъ извѣстными естествоиспытателями-же: «Мы всѣ, которые называемъ себя естествоиспытателями, говоритъ Вирховъ, владѣемъ только частями естествознанія, и никто не можетъ быть съ одинаковымъ правомъ представителемъ всѣхъ его отдѣловъ и принимать участіе въ спорѣ о какомъ угодно изъ нихъ. Всякая попытка выдать наши задачи за научныя истины и наши догадки сдѣлать основами преподаванія, а въ особенности попытка лишить Церковь ея владѣній и не долго думая замѣнить ее догматами десценденцъ-религій,—всякая такая попытка должна потерпѣть крушеніе и тѣмъ самымъ поставить въ крайне опасное положеніе науку вообще» ¹⁾. А вотъ что

¹⁾ «Прав. Об.» 1879 г. іюль. «Границы религій, философіи и естествознанія». Д. Н. Цертелёва, стр. 512 и 517.

говорить покойный Н. И. Пироговъ въ своемъ дневникѣ, напечатанномъ послѣ его смерти: «Изъ моего міровоззрѣнія, откровенно изложеннаго въ моемъ дневникѣ, я заключаю, что существованіе Верховнаго Разума, а слѣдовательно и Верховной Творческой Воли я считаю необходимымъ и неминуемымъ роковымъ требованіемъ (постулатомъ) моего собственного разума, такъ что, если бы я и хотѣлъ теперь не признавать существованія Бога, то не могъ бы этого сдѣлать, не сойдя съ ума. Къ такому твердому убѣжденію пришелъ мой семидесятилѣтній умъ послѣ разныхъ блужданій, доходившихъ до полного отрицанія... Юные и зрѣлые современники моей старости, живя и дѣйствуя въ эпоху лотерей, азіотата, рулетки и биржевой игры, пріучили себя видѣть въ случаѣ одинъ изъ главныхъ рычаговъ жизни. Не мудрено, что и основу всего мірозданія и исходную точку своихъ міровоззрѣній современное поколѣніе можетъ легко перенести на случай... Но я, принимая весьма хладнокровно взглядъ на происхожденіе мое отъ обезьяны, не могу слышать безъ отвращенія и перенести ни малѣйшаго намека: объ отсутствіи творческаго плана и творческой цѣлесообразности въ мірозданіи; а потому никогда не допущу, чтобы первобытная клѣтка и даже первобытная протоплазма не заключала въ себѣ творческой мысли о ея конечномъ назначеніи и творческое (цѣлесообразное) предопредѣленіе всѣхъ формъ, прототипъ которыхъ долженъ былъ изъ нея развиваться... Могу ли я легко убѣдиться въ непогрѣшимости доктрины, увлекающіеся приверженцы которой готовы, пожалуй, поставить на пьедесталъ случай, замѣнивъ имъ Бога и отвергнувъ, какъ лишній хламъ, и планъ и цѣлесообразность въ мірозданіи? По моему, это значило бы признать себя какими то бастардами отъ случки случая съ случайною же природою» ¹⁾. Въ частности относительно христіанской религіи Н. И. Пироговъ замѣчаетъ: «На ней цѣлые вѣка страстей и неистовствъ не оставили ни единого пятна; кровь и грязь, которыми міръ не разъ старался осквернить идеальную святость и чистоту

¹⁾ «Русск. Стар.» 1884 г. № 12. «Посмертныя Записки». Гл. XXXII.

христіанскаго ученія, стекали потоками назадъ на осквернителей» ¹⁾. Уже мнѣніи этихъ только ученыхъ достаточно ²⁾, чтобы видѣть, какъ смѣло поступаетъ Толстой, категорически утверждая, что царствующая философія доказала обманъ всѣхъ религій. Что составляетъ аксіому, то признается всѣми. Ученіе же матеріалистической философіи оспаривается не двумя, а цѣлыми тысячами ученыхъ. Толстой, выдавая за непреложную истину ученіе царствующей нынѣ философіи, критеріемъ истинности этой философіи ставитъ свои сужденія. Но такая оцѣнка той или другой философской системы далеко не можетъ считаться непогрѣшимой. Мы знаемъ, что нѣкоторые считаютъ часто основательнымъ то, что не только не основательно, а въ высшей степени нелѣпо.

Порѣшивъ такъ легко со всѣми религіями, но не будучи въ состояніи отвергнуть существованіе потребности въ вѣрѣ въ душѣ человѣка, Толстой естественно долженъ былъ задаться вопросомъ, чѣмъ же можетъ быть удовлетворена эта потребность. Затрудненіе это Толстой рѣшаетъ по обыкновенію очень скоро. Онъ считаетъ достаточнымъ для человѣка, если онъ имѣетъ одну субъективную вѣру. Вотъ какъ между прочимъ онъ разсуждаетъ объ этомъ: «Какъ, зачѣмъ, кому можетъ быть нужно, чтобы другой не только вѣрилъ, но и исповѣдывалъ бы свою вѣру такъ, какъ я? Человѣкъ живетъ, стало быть, знаетъ смыслъ жизни. Онъ установилъ свое отношеніе къ Богу, онъ знаетъ истину истинъ, и я знаю истину истинъ. Выраженіе ихъ можетъ быть различно, сущность должна быть одна и та же—мы оба люди. Какъ, зачѣмъ, что можетъ меня заставить требовать отъ кого бы то ни было, чтобы онъ выражалъ свою истину, непременно такъ, какъ я? Заставить его измѣнить свою вѣру я не могу ни насиліемъ, ни хитростью, ни обманомъ (ложныя чудеса). Вѣра есть его жизнь; какъ же я могу отнять у него вѣру его и дать ему другую? Это все равно, что вынуть изъ него сердце и вста-

¹⁾ «Посмертн. Записки», «Русск. Стар.», 1884 г. № 12, стр. 467.

²⁾ Изъ всѣхъ сужденій о такъ называемой научной философіи мы привели такіа, которыя отличаются большею ясностью и простотой.

вить ему другое. Я могу сдѣлать это только тогда, когда вѣра и моя, и его—слова, а не то, чѣмъ онъ живетъ, наростъ, а не сердце. Этого нельзя сдѣлать и потому, что нельзя обмануть, или заставить вѣрить человѣка въ то, во-что онъ не вѣритъ, и нельзя потому, что тотъ, кто вѣритъ, то-есть установилъ свои отношенія къ Богу и потому знаетъ, что вѣра есть отношеніе человѣка къ Богу, не можетъ желать установить отношенія другаго человѣка съ Богомъ посредствомъ насилія или обмана. Это невозможно, но это дѣлается, дѣлалось вездѣ и всегда, то-есть дѣлаться это не могло, потому что это невозможно, но дѣлалось и дѣлается что-то такое, что очень похоже на это. Дѣлалось и дѣлается то, что люди навязываютъ другимъ подобіе вѣры, то-есть обманъ вѣры. Вѣра не можетъ себя навязывать и не можетъ быть принимаема ради чего нибудь: насилія, обмана или выгоды, а потому это не вѣра, а обманъ вѣры. И этотъ то обманъ вѣры есть старое условіе жизни человѣчества». Но не трудно видѣть, что Толстой въ сущности вовсе не рѣшаетъ вопроса относительно того, чѣмъ можетъ человѣкъ удовлетворить свою религіозную потребность. Личная вѣра, которую правильнѣе назвать міросозерцаніемъ, никогда не можетъ удовлетворить человѣка. У него всегда является стремленіе къ исповѣданію такой религіи, которая имѣла бы объективную истину. Въ случаѣ, если исповѣдуемая имъ религія кажется ему ложной, онъ не успокаивается тѣмъ, что только отвергаетъ ее, а ищетъ религіи истинной, религіи, могущей доставить ему спасеніе. Подтверждать эту неоспоримую истину примѣрами едва ли нужно. Исторія всего человѣчества, намъ думается, убѣдительнѣе частныхъ примѣровъ.

Невозможность (психическая) для человѣка отказаться отъ стремленія къ исповѣданію истинной религіи ясно уже свидѣтельствуемъ намъ, какъ поверхностно разсуждаетъ Толстой, считая учительство вѣрѣ глупымъ и безнравственнымъ дѣломъ. Научающіе другихъ вѣрѣ являются не потому только, что это пріятно имъ самимъ, но и потому, что ихъ учителяства желаютъ другіе. Доказывать глупость и безнравственность учителяства, какъ дѣлаетъ Толстой тѣмъ, что «если че-

ловѣкъ живетъ, то, стало быть, онъ знаетъ смыслъ жизни» — это значитъ идти наперекоръ всякой здравой логикѣ. Мало ли между людьми есть такихъ, которые всю цѣль жизни полагають въ самыхъ низменныхъ удовольствіяхъ? Неужели про нихъ можно сказать, что они знаютъ смыслъ жизни? И неужели всякая попытка научить ихъ добру будетъ нелѣпостію? Подобныхъ словъ не произносилъ еще ни одинъ человѣкъ. Да и слѣдуетъ ли этимъ словамъ самъ Толстой? Если всѣ живущіе люди знаютъ смыслъ жизни, то къ чему же всѣ его нападки на религію? Къ чему онъ такъ старается убѣдить другихъ въ истинности своихъ сужденій? Почему онъ хочетъ расположить всѣхъ жить по истолкованному имъ — Толстымъ — ученію Христа? Мы совѣмъ отказываемся рѣшать эти вопросы, а поговоримъ лучше по поводу весьма пространныхъ сужденій Толстого относительно невозможности насильно навязать вѣру другому. Толстой, вѣроятно, предполагаетъ, что до этой свѣтлой идеи додумался только онъ одинъ, а что до него люди не сознавали ея. Но такое мнѣніе, если только его держится Толстой, ошибочно. О свободѣ совѣсти очень много говорили и писали отцы и учителя Православной Церкви, на которую такъ сильно нападаетъ Толстой. Мы не станемъ ссылаться на христіанскихъ апостоловъ, со всей полнотою и ясностію раскрывшихъ безсмысленность насилія человѣческой совѣсти: намъ могутъ возразить на это, что апологеты такъ учили изъ своихъ личныхъ интересовъ. Мы приведемъ мнѣнія тѣхъ представителей Церкви, которые жили въ то время, когда христіанская религія сдѣлалась господствующею. Изъ этихъ мнѣній ясно откроется, что христіанская религія сама по себѣ не только не служитъ источникомъ насилія совѣсти, какъ это утверждаетъ Толстой, а напротивъ научаетъ самому гуманному обращенію съ иновѣрцами. Императоръ Константинъ, котораго Толстой величаетъ не иначе, какъ разбойникомъ, сдѣлавшись христіаниномъ, мало того, что объявилъ свободу исповѣданія для всякой религіи, но настойчиво защищать, какъ извѣстно, и самый принципъ вѣротерпимости. Вотъ какія мысли высказывалъ онъ въ своемъ знаменитомъ эдиктѣ «о заблужденіи многобожія», появившемся спустя де-

сать лѣтъ послѣ того, какъ уже закономъ объявлено было, что каждому предоставляется держаться той религіи, къ какой кто самъ присоединится: «хочу—объявляетъ Константинъ,—чтобы для пользы мира и всѣхъ людей народъ наслаждался спокойствіемъ и безмятежностію, хочу, чтобы подобно вѣрующимъ пріятности мира и тишины вкушали и невѣрующіе; пусть никто не беспокоитъ другаго; пусть каждый дѣлаетъ то, чего хочетъ душа. Люди здравомыслящіе должны знать, продолжаетъ императоръ,—что только тѣ будутъ жить чисто и свято, кого самъ Богъ призоветъ почитать предъ Его святыми законами; а отвращающіеся пусть, если угодно, владѣютъ жребіемъ своего лжеученія... Удаляя совѣсть отъ всего противнаго, воспользуемся всѣ жребіемъ дарованнаго блага, то есть благомъ мира. Впрочемъ пытаюсь извѣстными мыслями самъ никто да не вредитъ ими другому: что одинъ узналъ и понялъ, то пусть употребитъ, если возможно, на пользу ближняго; а когда это невозможно, долженъ оставить его. Ибо иное дѣло добровольно принять борьбу за безсмертіе, а иное быть вынужденнымъ къ ней посредствомъ казни» ¹⁾. Точно такихъ же взглядовъ на свободу убѣжденій держались и отцы и учителя Церкви. Смотри на распространеніе истиннаго Боговѣдѣнія, какъ на одну изъ главнѣйшихъ своихъ обязанностей, они средство къ этому распространенію видѣли не въ насиліи, какого бы рода оно ни было, а въ исполненномъ любви убѣжденіи». Сила истины не нуждается ни въ какой помощи, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, хотя бы и тысячи людей старались заглушить ее, она не только не истребляется, но чрезъ самыхъ притѣснителей своихъ становится блистательнѣе и возвышеннѣе, посмѣиваясь надъ бѣснующимися и тщетно изнуряющими себя» ²⁾. Св. Григорій Богословъ, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ пастырей Церкви, но и онъ однако же заявлялъ, что «тайнство спасенія для желающихъ, а не для насильствуемыхъ» ³⁾. Раз-

¹⁾ Евсевій. «Жизнь Константина» р. пер. стр. 148, 150.

²⁾ Слова на разн. случ. р. пер. I, 144.

³⁾ Твор. рус. перев. т. I, стр. 312.

мышляя о томъ, почему нѣкоторые люди только постепенно обращались къ христіанству, и вообще почему истинной религіи не сообщена принудительная очевидность, а для воспріятія ея требуется вѣра (вопросъ, которымъ занимались и въ первые три вѣка), Григорій Богословъ разсуждаетъ такимъ образомъ: «спросятъ, можетъ быть, для чего это такъ? Для того Богъ допускаетъ это, чтобы мы обращались не отъ насилія, а отъ убѣжденія. Ибо то, что недобровольно, то недолговѣчно, подобно тому, какъ это замѣчаютъ на потокѣ, когда силой преграждаютъ его теченіе, или на растеніи, когда ему даютъ направленіе, противное его природѣ. Напротивъ, что добровольно, то и надежнѣе и долговѣчнѣе. И эта то не долговѣчность бываетъ свойствомъ дѣла, исходящаго отъ принудителя, а послѣднѣе—свойство нашего дѣла (то-есть христіанскаго). Вотъ почему Богъ не хочетъ дѣлать блага (обладанія истинною религіею) тѣмъ, кои не хотятъ принять его, но единственно только тѣмъ, кои желаютъ его» ¹⁾. То же убѣжденіе настойчиво проводится и св. Аванасіемъ Александрійскимъ, Исидоромъ Пелусіотомъ и др.

Не менѣе строго относились отцы и учителя Церкви и къ внѣшнимъ вспомогательнымъ средствамъ, къ которымъ иногда прибѣгаютъ не понимающіе духа христіанской религіи миссіонеры. Какъ извѣстно, въ древней Церкви взрослому человѣку нужно было искать крещенія, то есть домогаться его какъ такого предмета, который не подается безъ разбора. И вотъ, напримѣръ, какія предварительныя увѣщанія въ древней Церкви обращались къ ищущимъ крещенія. Св. Кирилль Іерусалимскій говорилъ къ таковымъ: «мы служители Христовы приедемъ всякаго, и какъ бы исправляя должность придверниковъ, оставляемъ двери незапертыми. Нѣтъ запрещенія войти тебѣ; но смотри, если уста твои скажутъ, что желаешь крещенія, а сердце не скажетъ: осудить тебя Сердцевѣдецъ..... Можетъ быть ты входишь по другому побужденію: возможно и то, что мужъ хочетъ сдѣлать пріятное женѣ и потому при-

¹⁾ Прав. Обозр. 1883 г. Май—Іюнь. «О вѣротерпимости», Кипарисова; стр. 103—104.

ходить сюда... Нерѣдко рабъ желаетъ угодить своему господину и другъ своему другу»: покушенія войти въ церковь по такимъ побужденіямъ были. Но, говоритъ Св. Кирилль «если кто изъ васъ лицемѣръ, притворяется благоговѣйнымъ, таковой да услышитъ отъ Іоанна: «всяко древо, еже не творитъ плода, посѣкаемо бываетъ» (Мѡ. III, 10). Судія неумолимъ: отложи же лицемѣріе!»¹⁾ А вотъ еще какъ одинъ учитель Церкви совѣтовалъ обращаться съ ищущими христіанства: прежде всего, по совѣту этого учителя, нужно допытаться отъ прозелита: «Для земной ли какой выгоды, или для вѣчнаго покоя онъ желаетъ сдѣлаться христіаниномъ?» Если будетъ основаніе думать, что прозелитъ обращается, по выраженію этого учителя, «изъ ожиданія отъ людей какой либо выгоды, или изъ опасенія навлечь ихъ непріязнь и нерасположеніе», то таковымъ внушить, что они все равно будутъ люди отверженные, хотя до времени и терпимы въ Церкви. Сужденія эти принадлежать бл. Августину²⁾. Было бы странно, конечно, съ нашей стороны утверждать, что всѣ пастыри и учителя христіанской Церкви смотрѣли на свободу убѣжденных глазами Іоанна Златоуста, Григорія Богослова и др. Мы знаемъ, что въ жизни христіанской церкви, какъ Восточной, такъ и Западной, были такія явленія, на которыя нельзя иначе смотрѣть, какъ съ сожалѣніемъ и Лютеръ немного преувеличивалъ дѣло, когда говорилъ, что въ римской церкви среднихъ вѣковъ палачи едва не замѣнили собой учителей церкви³⁾. Но мы далеки отъ того, чтобы вмѣстѣ съ Толстымъ утверждать, что причина этихъ ненормальностей заключается въ самой христіанской религіи. Не религія христіанская, а люди, исповѣдующіе ее, дѣлаютъ зло...

Доказавъ, конечно по своему, что всѣ вѣры, или обманы, являются результатомъ любви нѣкоторыхъ лицъ къ учительству, Толстой задается такимъ вопросомъ: «Въ чемъ же состоитъ

1) Прав. Обзор. 1883 г. Май—Іюнь. «О вѣротерпимости», В. Θ. Кипарисова. Стр. 106—107.

2) Прав. Обзор. 1883 г. Май—Іюнь «О вѣротерпимости» В. Θ. Кипарисова. Стр. 107.

3) Herzog, K. E. Bd. III. s. 540.

этотъ обманъ и на чемъ онъ основанъ? Чѣмъ вызванъ для обманывающихъ и чѣмъ держится для обманутыхъ? Не буду говорить, отвѣчаетъ на поставленные вопросы Толстой, о Браманизмѣ, Буддизмѣ, Конфуціанизмѣ, Магометанствѣ, въ которомъ были тѣ же явленія, не потому, чтобы было невозможно найти тоже самое; для каждаго читавшаго объ этихъ религіяхъ будетъ ясно, что тоже и въ тѣхъ вѣрахъ, что и въ христіанствѣ, но буду говорить исключительно о христіанствѣ, какъ о вѣрѣ намъ извѣстной, намъ нужной и дорогой. Въ христіанствѣ весь обманъ построенъ на фантастическомъ понятіи церкви, ни на чемъ не основанномъ и поражающемъ съ начала изученія христіанства своей неожиданной и безполезной безсмыслицей. Изъ всѣхъ безбожныхъ понятій и словъ, нѣтъ слова и понятія, болѣе безбожнаго, чѣмъ понятія церкви. Нѣтъ понятія, породившаго болѣе зла, нѣтъ понятіе болѣе враждебнаго ученію Христа, какъ понятіе церкви». Но дѣйствительно ли понятіе Церкви есть понятіе фантастическое, безбожное и противное ученію Христа? По нашему искреннему убѣжденію, такой взглядъ Толстого на Церковь крайне неправильный. Онъ выработался у него подъ вліяніемъ самой сильной ненависти къ христіанской религіи, какъ она есть въ настоящее время. Если бы Толстой рассуждалъ болѣе спокойно, то онъ увидѣлъ бы, что понятіе Церкви не только не враждебно ученію Христа, а напротивъ непосредственно вытекаетъ изъ него. Самый легкій способъ доказать необходимость Церкви состоитъ безъ сомнѣнія въ допущеніи той исповѣдуемой христіанами истины, что для спасенія человѣка необходима не одна только нравственная жизнь, которая зависитъ отъ самого человѣка, но и благодать, которую могутъ преподавать только пастыри Церкви. Для человѣка вѣрующаго такой способъ доказательства не представился бы фантастичнымъ и наивнымъ. Въ ученіи о благодати нѣтъ ничего такого, чтобы противорѣчило здравому смыслу. Его принимаютъ даже такіе люди, которые на христіанскую религію смотрятъ глазами не богослова, а только серьезнаго мыслителя. Въ дневникѣ Н. И. Пирогова, напримѣръ, мы встрѣчаемъ слѣдующія разсужденія: «Всеобъемлющая любовь и бла-

годать Св. Духа это два самые существенные элементы идеала вѣры Христовой, отличающей ее отъ морали, какъ небо отъ земли» ¹⁾. «Я убѣдился на себѣ, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, что не отличая истину, добываемую путемъ анализа и разслѣдованія отъ другой, доставляемой намъ вѣрою, нельзя быть настоящимъ вѣрующимъ. И прежде всего нужно увѣрывать въ высшую благодать» ²⁾. Но какъ ученіе о благодати ни разумно, какъ оно для сердца человѣка ни дорого, доказывать на основаніи его необходимость Церкви такому человѣку, который смотритъ на него, какъ на измышленіе извращеннаго ума, совершенно излишне. Это значило бы только для собственнаго удовольствія упражняться въ краснорѣчіи. Если мы желаемъ уяснить Толстому, что понятіе Церкви неразрывно связано со всею землею дѣятельностью Спасителя, то мы должны смотрѣть на эту дѣятельность глазами его — Толстого; то есть видѣть въ ней дѣятельность не Богочеловѣка, а просто человѣка. Въ чемъ же состоитъ характерная черта дѣятельности Иисуса, какъ человѣка? Прежде всего въ учительствѣ. Главная цѣль, которую имѣлъ Иисусъ Христосъ, какъ Учитель, выступая на проповѣдь, состояла въ томъ, чтобы открыть людямъ смыслъ жизни и сообщить имъ тотъ идеаль, слѣдуя которому они могли бы быть счастливы. Первая проповѣдь Его въ Назаретской синагогѣ была сказана, какъ извѣстно, на слѣдующій текстъ книги пророка Исаи: «Духъ Господень на Мнѣ; ибо Онъ помазалъ Меня благовѣствовать нищимъ, и послалъ Меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу, проповѣдывать лѣто Господне благопріятное». (Ис. LXI, 1, 2). Какимъ же путемъ Иисусъ Христосъ могъ научить людей смыслу жизни? Какимъ способомъ Онъ могъ сообщить имъ тотъ идеаль, которому должны они слѣдовать? Если бы Иисусъ Христосъ задался цѣлію преподавать Свое ученіе только нѣкоторымъ лицамъ, какъ дѣлали это древніе философы, то сдѣлать это было

¹⁾ Рус. Старина 1884 г. № 12. «Посмертныя записки Н. И. Пирогова».

²⁾ Ibidem.

бы легко. Стоило только открыть школу, пригласить слушателей, изложить имъ свое ученіе, и задача была бы выполнена. Но Христосъ имѣлъ цѣль несравненно болѣе широкую, чѣмъ древніе философы и другіе народные учителя. Онъ хотѣлъ, чтобы Его ученіе легло въ основу жизни не отдѣльных только личностей, но всего человѣчества. «Прійдите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ. Возьмите иго Мое на себя, и научитесь отъ Меня: ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ; и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко». (Мѡ. XI. 28—30). Соотвѣтственно этой цѣли Христу естественно надлежало найти и средства къ ея осуществленію. Къ числу этихъ средствъ относится прежде всего внѣшній характеръ проповѣди Спасителя. Онъ преподавалъ Свое ученіе не избраннымъ только лицамъ, а всѣмъ безъ исключенія. Въ числѣ Его слушателей были и мужчины и женщины, и старцы и дѣти; люди книжные и простые.

Училъ Онъ не въ одномъ какомъ-нибудь городѣ или селеніи, а въ разныхъ мѣстностяхъ. «И ходилъ Иисусъ, читаемъ въ Евангеліи, по городамъ и селеніямъ, проповѣдуя и благовѣствуя царствіе Божіе». (Мѡ. IX. 35. Лк. VIII, 1). Определеннаго мѣста для проповѣди въ городахъ и селеніяхъ, которыя Онъ посѣщалъ, у Него не было. Онъ училъ вездѣ, гдѣ только представлялся случай: училъ и въ синагогахъ (Мѡ. IV, 23; XIII, 54; Мр. I, 39; Лк. IV, 15), и въ частныхъ домахъ (Мр. II, 1; Лк. V, 18), и на берегу моря (Мр. II, 1; Лк. V, 18), и на равнинахъ (Мѡ. V, 1; Лк. VI, 17) и такъ далѣе. Когда приходилъ въ Іерусалимъ, то училъ и въ храмѣ (Іоан. VII, 14; VIII, 2; Лк. XXI, 37—38).

Но этого средства для распространенія ученія по всему міру и на всѣ вѣка было не достаточно. При такомъ условіи ученіе могло распространяться только при жизни Христа. Со смертію Его оно должно было прекратиться. Для того, чтобы оно могло преподаваться людямъ до скончанія вѣка, Иисусу Христу нужно было избрать извѣстныхъ лицъ, которыя бы продолжали Его дѣло и передали бы потомъ Его власть другимъ людямъ. Спаситель, дѣйствительно, такъ и

сдѣлалъ. При первомъ же вступленіи на проповѣдь Онъ избралъ Себѣ двѣнадцать учениковъ, которыхъ постепенно приготавливалъ къ продолженію начатаго Имъ дѣла. Судя по повѣствованію Евангелистовъ о призваніи Петра и Андрея, можно думать, что Иисусъ Христосъ открывалъ ученикамъ ихъ будущую дѣятельность при самомъ ихъ избраніи. Привлекая къ Себѣ упомянутыхъ нами апостоловъ, Онъ сказалъ имъ: «Идите за Мною, и Я сдѣлаю васъ ловцами человековъ». (Мѡ. IV, 19).

Въ болѣе же частныхъ чертахъ Христосъ уяснилъ ученикамъ ихъ назначеніе во время своего трехлѣтняго служенія. Указавъ въ девяти блаженствахъ общій идеалъ истиннаго послѣдователя Своего, каковы прежде всего должны быть апостолы, Иисусъ Христосъ характеризуетъ въ частности и ихъ значеніе собственно какъ апостоловъ. «Вы соль земли, говоритъ Онъ, если же соль потеряетъ силу; то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою. Она уже ни къ чему не годна, какъ развѣ выбросить ее вонъ, на погребеніе людямъ. Вы свѣтъ міра. Не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы. И, зажегши свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудомъ, но на подсвѣчникѣ, и свѣтятъ всѣмъ въ домѣ. Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла, и прославляли Отца вашего Небеснаго». (Мѡ. V, 13—16). Изъ этихъ словъ Спасителя ясно видно, что Онъ выдвигаетъ Своихъ учениковъ изъ числа другихъ Своихъ послѣдователей, и возлагаетъ на нихъ такія обязанности, которыхъ не возлагалъ на другихъ слушателей. Они мало того что должны быть сами истинно-нравственными, но весь міръ просвѣтить своими дѣлами. Какъ же они могли выполнить столь высокое назначеніе? Спаситель преподавалъ имъ по этому поводу много наставленій. Намъ нѣтъ надобности излагать послѣднія во всей ихъ подробности. Для нашей цѣли достаточно будетъ, если мы укажемъ только на сущность ихъ. Считая главнѣйшимъ средствомъ къ просвѣщенію всего человѣчества проповѣдь, Иисусъ Христосъ говорилъ Своимъ ученикамъ: «Что говорю вамъ въ темнотѣ, говорите при свѣтѣ; и что на ухо слышите, проповѣдуйте на кровляхъ». (Мѡ. X, 27). По воскресеніи Своемъ

изъ мертвыхъ Онъ повторилъ имъ эту заповѣдь: «Идите, ска-
заль Онъ имъ, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца
и Сына и Св. Духа, уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ
вамъ». (Мѣ. XXVIII, 19—20). Это завѣщаніе Спасителя уче-
ники должны выполнить во всей точности. Хотя во время
проповѣди ихъ будутъ всячески преслѣдовать, они не должны
все-таки оставлять свою дѣятельность, не должны бояться,
что они не въ состояніи преодолѣть сильныхъ міра сего:
«Когда будутъ гнать васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ дру-
гой. (Мѣ. X, 23). И когда будутъ предавать васъ не заботь-
тесь, какъ или что сказать; ибо въ тотъ-часъ дано будетъ
вамъ, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Духъ Отца
вашего будетъ говорить въ васъ». (Мѣ. X, 19—20).

Если-бы Христосъ, желающій основать всемірное духовное
царство, ограничилъ какъ свою дѣятельность, такъ дѣятель-
ность апостоловъ и всѣхъ будущихъ миссіонеровъ одною толь-
ко учительскою дѣятельностью, то и тогда бы не могло не
образоваться Церкви, на которую такъ нападаетъ Толстой. Въ
самомъ дѣлѣ, что такое христіанская Церковь? Въ обширномъ
смыслѣ это есть общество людей, объединенныхъ вѣрою въ
Тріединнаго Бога. Но возможно ли предположить, чтобы люди,
принявъ ученіе Іисуса Христа и увѣровавъ въ Тріединнаго
Бога, не составили изъ себя духовнаго общества? Не знаемъ,
какъ думаютъ объ этомъ читатели, а мы съ своей стороны
этого и представить себѣ не можемъ. Коль скоро извѣстное
число людей объединено одной и той же идеей, однимъ и
тѣмъ же стремленіемъ, то они волею—не волею составляютъ
изъ себя общество, или, говоря другими словами, Церковь—
(конечно въ относительномъ смыслѣ).

Но дѣятельность Іисуса Христа не ограничивалась однимъ
учительствомъ. Его цѣлю было не то только, чтобы открыть
людямъ идеаль жизни, но образовать изъ нихъ общество, чле-
ны котораго были бы соединены между собою не однимъ же-
ланіемъ внимать рѣчамъ учителя, не однимъ только сходст-
вомъ своихъ возрѣній, но болѣе тѣсными узами. Для этой
цѣли Онъ отзываетъ людей отъ домашнихъ очаговъ, возла-
гаетъ на однихъ обязанность страннической жизни, на дру-

гихъ — жертвованіе имуществомъ, стремясь всѣми мѣрами освободить ихъ отъ прежнихъ связей, для того, чтобы они могли найти въ новомъ обществѣ новый для себя домъ. Для этой же цѣли Христосъ установилъ торжественный обрядъ вступленія въ общество и по этой же причинѣ Онъ не освобождалъ никого отъ обязанности исполненія означеннаго обряда ¹⁾. Въ четвертомъ Евангеліи заключается повѣствованіе, показывающее самымъ поразительнымъ образомъ, какую важность Христосъ придавалъ крещенію. Человѣкъ преклонныхъ лѣтъ и занимавшій важное положеніе въ обществѣ, по имени Никодимъ, посѣтилъ Христа, какъ сказано, ночью, то есть тайно, и вступилъ съ Нимъ въ разговоръ. Онъ началъ съ яснаго признанія своей вѣры въ Божественное посланничество Христа. Ночное, то есть, тайное, посѣщеніе, не смотря на вѣру въ Божественное посланничество Христа, даетъ намъ возможность съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ предположить, что онъ намѣревался сказать. Онъ, повидимому, надѣялся, что ему можно будетъ исполнить требованіе Христа относительно личной преданности и покорности Ему, и въ тоже время быть свободнымъ отъ обязанности публичнаго о томъ свидѣтельства ²⁾. Между тѣмъ Иисусъ Христосъ налагаетъ печать молчанія на уста просителя рѣшительнымъ объявленіемъ, что нѣтъ другого пути въ царство Христово, какъ чрезъ крещеніе. «Истинно, истинно говорю тебѣ: если кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ войти въ царствіе Божіе». (III — 5) ³⁾. Съ цѣлію же соединить Своихъ послѣдователей самыми тѣсными узами Иисусъ Христосъ установилъ общественную

1) Читатель долженъ помнить, что мы стоимъ на точкѣ зрѣнія Толстого, называя крещеніе обрядомъ.

2) Что Иисусъ Христосъ принималъ людей въ свое общество черезъ крещеніе, объ этомъ весьма ясное свидѣтельство находимъ въ Евангеліи Іоанна. «Когда, читаемъ мы здѣсь, узналъ Иисусъ о дошедшемъ до фарисеевъ слухѣ, что Онъ болѣе пріобрѣтаетъ учениковъ и крестить, нежели Іоаннъ,—хотя Самъ Иисусъ не крестилъ, а ученики Его—то оставилъ Іудею и пошелъ опять въ Галилею». (Іоан. IV, 1—3).

3) Желающихъ имѣть болѣе полныя свѣдѣнія о крещеніи, установленномъ Иисусомъ Христомъ, посылаемъ къ прекрасной книгѣ неизвѣстнаго автора «Ессе homo», перев. съ англ. гл. VIII.

вечерю, которая должна напоминать имъ о существующемъ между ними неразрывномъ единеніи. Такимъ образомъ, хотя Евангеліе и называетъ послѣдователей Христа учениками Его, но съ этимъ названіемъ мы не можемъ соединять представленіе о чемъ то похожемъ на школу. Они были, дѣйствительно, Его учениками, но они предпочитали называть себя подданными и даже рабами Христа; Онъ же увѣщевалъ ихъ пребывать между собою, «какъ братіямъ».

Какъ Самъ Іисусъ Христосъ принималъ въ число послѣдователей Своихъ чрезъ крещеніе, такъ и ученикамъ Своимъ заповѣдалъ дѣлать тоже. Повторивъ имъ, послѣ Своего воскресенія, что они должны идти и научить всѣ народы, Онъ добавилъ: «крестя ихъ, т. е. народы—во имя Отца и Сына и Св. Духа». (Мѡ. XXVIII, 19). И Апостолы въ точности исполняли это повелѣніе своего Учителя. Первая проповѣдь Апостола Петра, произнесенная имъ въ праздникъ Пятидесятницы, заканчивалась слѣдующими словами: «Покайтесь, и да крестится каждый изъ васъ во имя Іисуса Христа для прощенія грѣховъ; и получить даръ Святаго Духа; ибо вамъ принадлежитъ обѣтованіе и дѣтямъ вашимъ и всѣмъ дальнимъ, кого ни призоветъ Господь Богъ нашъ». (Дѣян. Апост. II, 38—39). И охотно принявшіе слово Апостола, замѣчаетъ писатель книги «Дѣяній Апостольскихъ», крестились; и присоединилось въ тотъ день душъ около трехъ тысячъ». (II, 41). Точно такимъ же путемъ Апостолы принимали въ Свое общество и въ послѣдующее время. (Дѣян. Апост. VIII, 36—38; X, 47—48; XIX, 4—5).

Заповѣдалъ Іисусъ Христосъ Своимъ послѣдователямъ совершать и установленную Имъ вечерю любви. Какъ собраніе, или общеніе вѣрующихъ, вечеря любви должна уже служить выраженіемъ существованія нѣкотораго общничества между тѣми, которые участвуютъ въ ней (причастны къ ней). Но Христосъ прибавилъ нѣчто къ этому обряду. Онъ повелѣлъ Своимъ послѣдователямъ признавать хлѣбъ, который они ѣли, Его тѣломъ, и вино, которое они пили, Его кровію. И въ рѣчи, приведенной Евангелистомъ Іоанномъ, на которую мы можемъ сослаться безъ недовѣрія, потому что она такъ оче-

видно подтверждается рассказами прочихъ Евангелистовъ объ учрежденіи вечери, Онъ говоритъ: «Если не будете ѣсть плоти Сына человѣческаго и пити крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни». (Іоан. VI, 53). Какъ выполняли эту заповѣдь Спасителя Апостолы, объ этомъ едва ли нужно много говорить, достаточно только указать на Дѣянія Апостоловъ, и посланія Ап. Павла къ Коринѣянамъ. Изъ первыхъ мы узнаемъ, что присоединившіеся къ обществу Христову, послѣ первой проповѣди Ап. Петра, три тысячи человѣкъ постоянно пребывали въ ученіи Апостоловъ, въ общеніи и преломленіи хлѣба и въ молитвахъ» (II, 42). То же самое говорится далѣе и про всѣхъ вѣрующихъ «Всѣ же вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее. И продавали имѣнія и всякую собственность, и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго. И каждый день единодушно пребывали въ храмѣ и преломляя по домамъ хлѣбъ, принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца, хвали Бога, и находясь въ любви у всего народа» (II, 44—46). Въ первомъ посланіи къ Коринѣянамъ, Павелъ, убѣждая послѣднихъ воздерживаться отъ идоложертвенныхъ яствъ, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «чаша благословенія, которую благословляемъ, не есть ли приобщеніе крови Христовой? Хлѣбъ, который преломляемъ, не есть ли приобщеніе тѣла Христова? Одинъ хлѣбъ, и мы многіе одно тѣло; ибо всѣ причащаемся отъ одного хлѣба» (X, 16—17). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Апостолъ, обличая Коринѣянъ за тѣ безпорядки, которые происходятъ у нихъ на вечерахъ любви, пишетъ: «Развѣ у васъ нѣтъ домовъ на то, чтобы ѣсть и пить. Или пренебрегаете Церковь Божию и унижаете неимущихъ? Что сказать вамъ? Похвалить ли васъ за это? не похваляю. Ибо я отъ Самого Господа принялъ то, что и вамъ передать, что Господь Іисусъ въ ту ночь, въ которую преданъ былъ, взявъ хлѣбъ, и, возблагодаривъ, преломилъ и сказалъ: примите, ядите, сіе есть тѣло Мое, за васъ ломимое; сіе творите въ Мое воспоминаніе. Также и чашу послѣ вечери, и сказалъ: сія чаша есть новый завѣтъ въ Моей крови, сіе творите, когда только будете пить въ Мое воспоминаніе. Ибо всякій разъ, когда вы ѣдите хлѣбъ сей и пьете чашу сію, смерть Господню возвѣ-

щаете, доколѣ Онъ прійдетъ. Посему, кто будетъ ѣсть хлѣбъ сей, или пить чашу Господню недостойно, виновенъ будетъ противъ тѣла и крови Господней. Да испытываетъ же человекъ себя, и такимъ образомъ пусть ѣсть отъ хлѣба сего и пьетъ изъ чаши сей. Ибо кто ѣсть и пьетъ недостойно, тотъ ѣсть и пьетъ осужденіе себѣ, не разсуждая о тѣлѣ Господнемъ. Отъ того многіе изъ васъ немощны и больны, и не мало умираетъ. Ибо если бы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся отъ Господа, чтобы не быть осужденными съ міромъ. Посему, братія мои, собираясь на вечерю, другъ друга ждите. А если кто голоденъ, пусть ѣсть дома, чтобы собираться вамъ не на осужденіе» (XI, 22—34).

Если къ упомянутымъ нами обычаямъ христіанъ присоединить еще ту дѣйственную любовь, которая связывала ихъ, какъ бы въ одну семью, то для насъ вполне будетъ ясно, почему за христіанскимъ обществомъ утвердилось названіе дома, Церкви. Это названіе христіанскому обществу далъ Самъ Христосъ, сказавши: «на семь камней Я создамъ Церковь Мою» (Мѣ. XVI, 18). Каждый членъ христіанскаго общества (Церкви) — камень строенія, и благосостояніе Церкви выражается распределеніемъ въ порядкѣ и связываніемъ крѣпкимъ цементомъ камней. Какъ же Толстой утверждаетъ, что понятіе Церкви есть понятіе фантастическое, понятіе, противное ученію Христа? И какія доказательства онъ приводитъ въ подтвержденіе своего взгляда! — Въ сущности слово «эkkлeсія», говоритъ онъ, значитъ собраніе и больше ничего, и такъ употреблялось въ Евангеліяхъ. Въ языкахъ всѣхъ новыхъ народовъ слово «эkkлeсія» означаетъ домъ молитвы. Дальше этихъ значеній, не смотря на 1500 лѣтнее существованіе обмана церкви, слово это не проникло ни въ какой языкъ». Почему христіанское общество названо словомъ «домъ» или «церковь», мы уже сказали, а теперь разберемъ другіе доводы Толстого, направленные имъ противъ христіанской Церкви. «По опредѣленіямъ, читаемъ мы, которыя даютъ этому слову тѣ жрецы, которымъ нуженъ обманъ церкви, оно выходитъ не что иное какъ предисловіе, говорящее: все, что я теперь буду говорить, все

истина, и если не повѣришь, то я тебя сожгу, или прокляну и всячески обижу. Понятіе это есть софизмъ, нужный для нѣкоторыхъ діалектическихъ цѣлей, и остается достояніемъ тѣхъ, которымъ оно нужно. Въ народѣ, не только въ народѣ, а въ обществѣ и въ средѣ образованныхъ людей, не смотря на то, что этому учать въ катехизисахъ, понятія этого совсѣмъ нѣтъ». Если понимать Церковь въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ее Л. Толстой, то дѣйствительно можно согласиться, что опредѣленнаго представленія о ней никакъ нельзя составить. Мы долго размышляли надъ словами Толстого «церковь есть предисловіе, говорящее: все, что я теперь буду говорить, есть истина...», и все-таки не могли понять ихъ. Но христіане соединяютъ съ словомъ «Церковь» совсѣмъ другое представленіе. По опредѣленію, которое дается Церкви въ катехизисахъ, на которое ссылается Толстой; — «Церковь есть отъ Бога установленное общество человѣковъ, соединенныхъ: православною вѣрою, Закономъ Божиимъ, священноначаліемъ и таинствами» (Христ. Катихиз. Правосл. вѣры). Понимаемое въ этомъ смыслѣ слово «Церковь» вполне ясно для вѣрующаго. Въ самомъ дѣлѣ, неужели человѣкъ не въ состояніи представить себѣ такого общества, которое состоитъ изъ людей, объединенныхъ одною вѣрою? По нашему мнѣнію для человѣка, какъ бы онъ ни былъ мало образованъ, представленіе объ извѣстномъ обществѣ не труднѣе представленія о какомъ бы то ни было предметѣ. Не пускаясь въ слишкомъ длинныя разсужденія, мы укажемъ на общество трезвости, основанное самимъ Л. Толстымъ. Неужели, спросимъ мы Толстого, личности, входящія въ число членовъ общества трезвости, не имѣютъ никакого понятія о послѣднихъ? Неужели, произнося слова «общество трезвости», они не соединяютъ съ этимъ никакого представленія? Мы думаемъ, Толстой едва ли станетъ утверждать это...

Послѣ того, какъ мы уяснили, что христіане разумѣютъ подъ словомъ «Церковь», для насъ дальнѣйшіе доводы Толстого, которые направлены имъ противъ Церкви, теряютъ свое значеніе. Вотъ эти доводы: «опредѣленіе это,—какъ ни совѣстно серьезно разбирать его, надо сдѣлать это, потому

что столько людей выдаютъ его за что-то важное, — опредѣленіе это совершенно ложно. Когда говорятъ, что церковь есть собраніе истинно вѣрующихъ, то собственно ничего не говорятъ, потому что, если я скажу, что капелла есть собраніе всѣхъ истинныхъ музыкантовъ, то я ничего не сказалъ, что называю истинными музыкантами. Оказывается же, по богословію, что истинно вѣрующіе, тѣ, которые слѣдуютъ ученію церкви, не находятся въ церкви. Не говоря уже о томъ, что истинныхъ такихъ вѣрныхъ сотни, опредѣленіе это ничего не говоритъ и, казалось бы, даже бесполезно, какъ опредѣленіе капеллы — собраніе истинныхъ музыкантовъ, но тотчасъ же за этимъ виднѣется конецъ ушка. Церковь истинна и едина, и въ ней пастыри, Богомъ установленные, учатъ этому истинному и единому ученію, то-есть: ей Богу, все, что мы будемъ говорить, все истинная правда. Больше ничего нѣтъ». Если бы Толстой опредѣлилъ понятіе Церкви такъ, какъ оно опредѣляется въ катихизисѣ, то ему не пришлось бы разсуждать, что слова «церковь есть собраніе истинно вѣрующихъ» ничего не выражаютъ. Въ катихизисѣ ясно указано, кого нужно считать членомъ Православной Церкви.

Разобравъ понятіе Церкви, и найдя это понятіе лживымъ, безбожнымъ, бессмысленнымъ и противнымъ ученію Христову, Толстой обѣщаетъ далѣе выяснитъ тѣ причины, которыя способствовали образованію этого понятія. «Обманъ весь, говоритъ онъ, въ этомъ, въ словѣ и понятіи церкви. И смыслъ этого обмана только тотъ, что есть люди, которымъ безъ памяти хочется учить другихъ своей вѣрѣ. Для чего же имъ такъ хочется учить своей вѣрѣ другихъ людей? Если бы у нихъ была истинная вѣра, они бы знали, что вѣра есть смыслъ жизни, отношеніе къ Богу, устанавливаемое каждымъ человекомъ, что потому учить нельзя вѣрѣ, а только обману вѣры. Но они хотятъ учить. Для чего? Самый простой отвѣтъ былъ бы въ томъ, что попу нужны лепешки и яйца, архіерею дворецъ и шелковая ряса. Но этотъ отвѣтъ недостаточенъ. Таковъ безъ сомнѣнія внутренній психологическій поводъ къ обману, поводъ, поддерживающій обманъ, но, такъ разбирая, какимъ образомъ могъ одинъ человекъ (палачъ) рѣшиться

убивать другого человѣка, противъ котораго онъ не имѣетъ никакой злобы? Было бы недостаточно сказать, что палачъ убиваетъ потому, что ему даютъ водки, калача и красную рубаху; точно также недостаточно сказать, что кievскій митрополитъ съ монахами набиваетъ соломой мѣшки, называя ихъ мощами угодниковъ, только для того, чтобы имѣть 30 тысячъ дохода. И то, и другое дѣйствіе слишкомъ ужасно и противно человѣческой природѣ для того, чтобы такое простое, грубое объясненіе могло быть достаточно. Какъ палачъ, такъ и митрополитъ, объясняя свой поступокъ, приведутъ цѣлый рядъ доказательствъ, которыхъ главная основа будетъ историческое преданіе. Человѣка надо казнить, казнимъ съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ. Не я, такъ другой. Я сдѣлаю это, надѣюсь, съ Божьей помощью, лучше, чѣмъ другой. Такъ же скажетъ митрополитъ: внѣшнее богопочитаніе нужно; съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, почитали мощи угодниковъ. Пещерныя мощи почитаютъ, ходятъ сюда. Не я, такъ другой, будетъ хозяйничать надъ ними. Я, съ Божьей помощью, надѣюсь богоугоднѣе употребить эти деньги, вырученныя кощунственнымъ обманомъ». Когда мы прочитали заявленіе Толстого, что онъ намѣренъ выяснить стремленіе людей къ учительству, приведшему ихъ въ концѣ концовъ къ нелѣпой вѣрѣ въ Церковь, путемъ психологическимъ, то мы отъ души порадовались этому заявленію. Намъ было очень пріятно услышать серьезныя разсужденія Толстого. Но каково же было наше разочарованіе, когда мы вмѣсто этого глубокаго психологическаго выясненія встрѣтили очень наивныя сужденія! Внутреннимъ психологическимъ мотивомъ, побуждающимъ іерархію къ учительству, служить, по Толстому, простое практическое соображеніе: «Не я, такъ другой будетъ хозяйничать надъ ними. Я съ Божьей помощью надѣюсь богоугоднѣе употребить эти деньги, вырученныя кощунственнымъ обманомъ». Что же въ этомъ отвѣтѣ Толстого новаго, сравнительно съ тѣмъ отвѣтомъ, который онъ раньше призналъ недостаточнымъ,—то есть, что «попу нужны лепешки и лица, архіерею дворець, кулебяки и шелковая ряса?» Положительно ничего. Только выражено это, будто бы глубокое психологическое вы-

ясненіе въ другихъ словахъ. Прежній отвѣтъ, признаваемый недостаточнымъ, былъ таковъ «попу нужны лепешки...» А теперь Толстой влагаетъ этотъ же недостаточный отвѣтъ въ уста священника и придаетъ ему болѣе утонченную форму. «Не я, такъ другой будетъ хозяйничать надъ ними. Я съ Божьей помощью надѣюсь богоугоднѣе употребить эти деньги...» А между тѣмъ съ перваго раза громкое заявленіе Толстого, что нужно выяснитъ стремленіе людей къ учительству, поражаетъ, читателя. И послѣдній, если не привыкъ вдумываться въ прочитанное (а такихъ читателей между послѣдователями Толстого очень много, такъ какъ благоговѣніе предъ его авторитетомъ лишаетъ ихъ критической способности), повѣритъ Толстому, что онъ даетъ психологическое объясненіе. Чему же учатъ іерархи народъ? По Толстому, они учатъ только внѣшнему благочестію и почитанію мощей. Въ своемъ сочиненіи «Въ чемъ моя вѣра» Толстой развиваетъ эту мысль подробнѣе: «Всѣ религіи, кромѣ церкви христіанской, говоритъ онъ, требуютъ отъ исповѣдующихъ—ихъ, кромѣ обрядовъ, исполненіе еще извѣстныхъ хорошихъ поступковъ и воздержаніе отъ дурныхъ. Іудаизмъ требуетъ обрѣзанія, соблюденія субботы, милостыни, юбилейнаго года и еще многого другаго. Магометанство требуетъ обрѣзанія, ежедневной пятикратной молитвы, десятины бѣднымъ, поклоненія гробу пророка и многого другаго. То же и всѣ религіи. Хороши ли, дурны ли эти требованія, но это требованіе поступковъ. Только псевдо-христіанство не требуетъ ничего, чтобы обязательно долженъ былъ дѣлать христіанинъ и отъ чего онъ долженъ бы былъ обязательно воздержаться, если не считать постовъ и молитвъ самой церковью признаваемыхъ не обязательными. Все что нужно для псевдо-христіанина—это таинства. Но таинство не дѣлаетъ самъ вѣрующій, а надъ нимъ его производятъ другіе. Псевдо-христіанинъ ничего не обязанъ дѣлать и ни отъ чего не обязанъ воздерживаться, чтобы спастись, но надъ нимъ церковью совершается все, что для него нужно,—его окрестятъ, и помажутъ, и причастятъ, и осекуютъ, и исповѣдаютъ, даже глухою исповѣдью, и помолятся за него—и онъ спасенъ. Христіанская церковь со времени Константина

не потребовала никакихъ поступковъ отъ своихъ членовъ. Она даже не заявила никакихъ требованій воздержанія отъ чего бы то ни было». Трудно рѣшить отъ искренняго сердца говорить это Толстой, или нѣтъ. Если онъ читалъ, какъ онъ заявляетъ самъ, творенія Св. Отцевъ и поученія пастырей Церкви, то онъ не могъ не знать, что исключительно однимъ только обрядамъ и внѣшнему богопочтенію не училъ ни одинъ изъ нихъ. Всѣ на первомъ планѣ ставили истинно-нравственную жизнь. Мы не станемъ дѣлать выдержки изъ твореній Св. Отцевъ и поученій пастырей Церкви ¹⁾. Это заняло бы слишкомъ много мѣста въ нашемъ сочиненіи. Да къ тому же считаемъ это излишнимъ. Кто хотя нѣсколько разъ слышалъ поученія нашихъ пастырей, тотъ ни въ какомъ случаѣ не повѣритъ Толстому, что будто бы христіанская Церковь не учитъ нравственной жизни. Что такое наше православное богослуженіе, какъ не наглядное преподаваніе вѣрующимъ нравственныхъ истинъ? Къ чему христіанская Церковь стала бы вводить въ богослуженіе чтеніе Евангелія, Апостольскихъ посланій и другихъ священныхъ книгъ, если бы она считала нравственную жизнь излишнею? Мы увѣрены, что Толстой не можетъ дать намъ удовлетворительнаго отвѣта на эти вопросы: его клевета на христіанскую Церковь въ данномъ случаѣ слишкомъ очевидна... Намъ думается, едва ли повѣрятъ ему и его сторонники. Вѣдь нельзя же представить себѣ человека, который бы совершенно не жилъ своимъ умомъ; а для того, чтобы повѣрить словамъ Толстого о христіанской Церкви, нужно именно быть такимъ человекомъ.

Что касается нападокъ Толстого на почитаніе мощей угодниковъ, то они представляются намъ въ высшей степени странными. Почему христіанинъ не имѣетъ права выражать свое почтеніе тѣмъ лицамъ, которыя оказали услугу христіанской Церкви? Толстой навѣрно не находитъ ничего нелѣпаго, видя почтительное отношеніе людей къ трупу близкаго и доро-

¹⁾ Желающіе могутъ найти это въ статьѣ Орфано «Въ чемъ должна заключаться истинная вѣра каждого человека?» — Чт. въ Обществ. Любит. Дух. Просвѣщ. 1887 г. мартъ—апрѣль.

гаго для нихъ человѣка. Ему не представляется также, по всей вѣроятности, страннымъ обычай украшать покойниковъ цвѣтами и говорить при ихъ гробахъ рѣчи. Почему же это исполнѣ естественное чувство не должно проявляться у человѣка по отношенію къ христіанскимъ подвижникамъ?...

Но Толстой идетъ въ своихъ нападкахъ на почитаніе мощей дальше. Онъ не стѣсняется, по обыкновенію, возвести явную клевету на Церковь. «Кіевскіе митрополиты съ монахами, по его утвержденію, набиваютъ соломой мѣшки, называя ихъ мощами угодниковъ» ¹⁾. Что сказать на это голословное, ничѣмъ не подтверждаемое обвиненіе? Какими доказательствами можно убѣдить читателей въ лживости сужденій Толстого? Мы не находимъ въ данномъ случаѣ ничего лучшаго, какъ отвѣтить словами преосвященнаго Никанора, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго. «Подите, кто хочетъ, любопытствующіе изыскатели, посмотрѣть въ подземельи великой Церкви Святой Кіево-Печерской Лавры, честныя мощи почившаго въ прошломъ столѣтіи Святителя Павла, митрополита Тобольскаго, пока еще не причтеннаго къ лику Святыхъ. Подите въ разные концы Св. Руси, въ которыхъ почти-тельно хранятся мощи разныхъ Святителей, также пока еще не канонизованныхъ» ²⁾. Подумайте, съ какимъ тщательнымъ

¹⁾ Уясненію вопроса о нетлѣнии тѣлъ праведниковъ будетъ посвящена нами особая статья.

²⁾ Средство, предлагаемое преосвященнымъ Никаноромъ, для удостовѣренія въ истинности нетлѣнія мощей самое лучшее и надежное. Въ статьѣ П. С. Казанскаго «Очеркъ жизни архимандрита Антонія, намѣстника Свято-Троицкой Сергіевской Лавры», рассказанъ между прочимъ слѣдующій случай изъ жизни Антонія. Когда онъ былъ еще въ міру, то услышавъ, какъ раскольники упрекали Православную Церковь за чествованіе ложныхъ будто-бы мощей, хотѣлъ самъ лично убѣдиться въ истинности послѣднихъ. Посѣтивъ при первомъ представившемся случаѣ Муромъ и Владиміръ, гдѣ были св. мощи, онъ возвратился исполнѣ успокоенный: клевета раскольниковъ сдѣлалась для него исполнѣ очевидною. Особенно сильно поразило его нетлѣніе мощей во Владимірѣ.—Пр. Об. 1878 г. Февраль. Стр. 272.

Путемъ личнаго посѣщенія Кіево-Печерской Лавры убѣдился въ истинности нетлѣнія мощей и одинъ изъ теперешнихъ профессоровъ Казанскаго университета. На вопросъ одного изъ студентовъ, дѣйствительно ли почитаемыя христіанами мощи Кіево-Печерской Лавры—умершія тѣла, онъ отвѣтилъ: «въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Я убѣдился въ этомъ лично». Бесѣда профессора съ студентомъ происходила въ моемъ присутствіи. Авторъ.

опасеніемъ открывались св. мощи святителей Митрофана Воронежскаго въ запрошлое и Тихона Задонскаго въ прошлое царствованіе. Подумайте, отчего это Богъ хранить десятки лѣтъ и вѣка въ нетлѣнной мощи больше монаховъ, всего чаще святителей, и непремѣнно высокой богоугодной жизни. И перестаньте хульники хулить. Русскій народъ, въ миллионахъ своей непочатой, нерастлѣнной пока толстовскою культурою средѣ, чувствомъ чуетъ, куда ему идти на поклоненіе, для назиданія, для подражанія, къ Толстому ли, который ходитъ за сохою отъ нечего дѣлать, или же въ Кіевъ, въ Москву, въ Троице-Сергіеву Лавру, или на Соловки, гдѣ преподобные отцы спасали себя и другихъ, въ пустыняхъ *скитающаеся, и въ горахъ, и въ вертепахъ и въ пропастьхъ земли, лишени, скорбяще, озлоблени, ихъ же не бѣ достоинъ весь міръ;* гдѣ люди русскіе, а также простой черный народъ видитъ свой собственный идеалъ, черного снаружи, но ангельски свѣтлаго въ душѣ человѣка, видитъ звѣзду душевнаго счастья, упокоенія въ Богѣ и горней надежды, видитъ свою зарю обѣтованнаго вѣчнаго счастья въ небесахъ?!... ¹⁾.

II.

Необходимость и важность религиозныхъ обрядовъ. Отвергалъ ли Иисусъ Христосъ внѣшнее богопочтеніе? Какъ нужно смотрѣть на тѣ наставленія Спасителя, на основаніи которыхъ противники внѣшняго богопочтенія стараются доказать, что Онъ отрицалъ обряды.—Отношеніе Апостоловъ къ обрядовой сторонѣ религіи. Нравственное ученіе апостоловъ по посланіямъ апостольскимъ.—О церковной іерархіи. Можетъ ли Христіанская Церковь существовать безъ іерархическаго устройства? Съ какого времени ведутъ свое начало чинъ совершенія таинства Евхаристіи, обычай чествовать мощи св. угодниковъ и св. иконы? Какъ нужно смотрѣть на иконопочитаніе, и въ частности на почитаніе иконъ чѣмъ-либо прославленныхъ?

Заклучивъ всю Христіанскую религію, исповѣдуемую православными Христіанами, въ одни только обряды и таинства, и провозгласивъ торжественно, что послѣднія «выдумка поповъ», гр. Толстой говоритъ далѣе: «чтобы понять обманъ вѣры, надо пойти къ его началу и источнику. Мы говоримъ

¹⁾ Церк. Вѣдомости 1888 г. № 3. «Церковь и государство». Стр. 58.

о томъ, что знаемъ о Христіанствѣ. Обратясь къ началу Христіанскаго ученія въ Евангеліяхъ, мы находимъ ученіе прямо исключющее внѣшнее богопочитаніе, осуждающее его и въ особенности ясно, положительно отрицающее всякое учительство. Но справедливъ ли такой взглядъ Толстого на отношеніе Иисуса Христа къ внѣшнему благочестію? Мы знаемъ, что Иисусъ Христосъ обличалъ фарисеевъ и книжниковъ за ихъ крайнюю привязанность къ обрядамъ, предостерегалъ Своихъ учениковъ отъ невѣрныхъ понятій о внѣшнемъ богопочтеніи, но слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ совсѣмъ отвергалъ его? Дѣлающіе такой выводъ грубо ошибаются. Христосъ вооружался не противъ внѣшняго богопочтенія, а противъ злоупотребленія имъ. Онъ видѣлъ зло не въ самыхъ обрядахъ, а въ неправильномъ отношеніи къ нимъ. Ученіе книжниковъ и фарисеевъ уклонилось отъ истиннаго разумѣнія и духа закона и заключалось во множествѣ частныхъ правилъ. Они полагали, что вдохновляющая сила, которая обитала въ ихъ предкахъ и дѣлала ихъ добродѣтельными, можетъ быть сосредоточена въ обработанной системѣ правилъ, которая могла бы служить имъ руководствомъ къ пріобрѣтенной этой вдохновляющей силы. Они отягощали память людей и приводили въ замѣшательство ихъ жизнь безконечнымъ множествомъ правилъ. Ихъ добрыя дѣла носили на себѣ характеръ лицемерія, т. е. они не проистекали изъ тѣхъ побужденій, изъ которыхъ естественнымъ образомъ должны были бы проистекать, и изъ которыхъ общество предполагало, что они проистекаютъ. Когда эти люди отдавали десятину изъ своего имущества на служеніе религіи, то дѣлали это не изъ чувства любви къ Богу, а изъ уваженія къ народному обычаю. Когда они изслѣдовали и перецѣживали писанія, то они поступали такъ не потому, что благоговѣли предъ писаніями древнихъ пророковъ и законодателей, а потому только, что они понимали обязанность читать ихъ. Всѣ другія добрыя дѣла ихъ, какъ то: постъ, молитва, почитаніе ветхозавѣтныхъ пророковъ и проч. стояли также въ противорѣчій съ ихъ внутреннимъ настроеніемъ. Само собой понятно, Спаситель, судившій о всѣхъ дѣйствіяхъ чело­вѣка по мѣрѣ соотвѣтствія ихъ внутреннему настроенію

послѣдняго, не могъ не вооружиться противъ внѣшняго благочестія книжниковъ и фарисеевъ. Такое благочестіе, дѣйствительно, пагубно для нравственной жизни. Оно не только не возвышаетъ души человѣка, а подавляетъ всякое возвышенное ея стремленіе. Будучи по наружности праведны, книжники и фарисеи внутри были исполнены, по выраженію Спасителя, лицемерія и беззаконія (Мѡ. 23, 28).

Но возставая противъ бездушнаго внѣшняго формализма, Христосъ никогда не осуждалъ внѣшняго благочестія. Послѣднее, если соединяется съ внутреннимъ благочестіемъ, не только не вредно для духовно-нравственной жизни человѣка, а даже необходимо. «Ничто такъ не способствуетъ благоговѣйному настроенію, говоритъ профессоръ Чичеринъ, ничто такъ не соединяетъ людей въ общемъ чувствѣ, какъ исполненіе обрядовъ съ пониманіемъ ихъ истиннаго смысла. Обрядъ есть выраженіе религіознаго содержанія, вылившагося въ типическую форму, которая передается отъ поколѣнія къ поколѣнію. Онъ не только представляетъ полное, художественное изображеніе извѣстной идеи, очищенное отъ всякой субъективной примѣси, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ связью между отдаленнѣйшими временами и народами. Оттого обрядъ бываетъ такъ дорогъ человѣку. Даже то, что уже потеряло свой первоначальный смыслъ, сохраняется, какъ наслѣдіе предковъ, какъ воспоминаніе о давно прошедшихъ вѣкахъ. Еще высшее значеніе получаютъ обряды чрезъ то, что они обыкновенно представляютъ символическія изображенія событій религіозной жизни, дѣйствій самого Божества. Человѣкъ самъ, въ видимой формѣ, изображаетъ то, что составляетъ содержаніе его вѣры. Подъ тѣлесными движеніями скрывается для него таинственный смыслъ. И вслѣдствіе этого каждый шагъ получаетъ здѣсь высшее, религіозное значеніе; нарушеніе обрядовъ представляется святотатствомъ. Наконецъ, обряды имѣютъ и воспитательное значеніе: они приучаютъ человѣка подчиняться общему порядку и воздерживать свои личныя влеченія. Сюда относятся, напр., посты, налагающіе на вѣрующихъ извѣстныя лишенія во имя религіозной цѣли. Чѣмъ ниже развитіе человѣка, тѣмъ важнѣе это воспитательное зна-

ченіе обрядовъ. Въ тѣ времена, когда религія составляетъ единственное воспитательное учрежденіе человѣчества, религіозными обрядами опредѣляются всѣ мелочи жизни. Для массы, неспособной понимать философскій смыслъ догматовъ, они представляютъ живое изображеніе содержанія вѣры. При маломъ умственномъ развитіи, человѣкъ даже склоненъ придавать имъ преувеличенное значеніе, полагая въ исполненіи ихъ главную религіозную задачу, и забывая за внѣшнюю форму внутреннее содержаніе. Высшее развитіе естественно ведетъ къ тому, что духовное содержаніе религіи цѣнится болѣе, нежели внѣшнія формы. Вслѣдствіе этого значеніе обрядовъ неизбѣжно умалывается. Человѣкъ начинаетъ думать, что главная его задача въ религіозной сферѣ заключается не въ исполненіи обрядовъ, а въ нравственной жизни, въ вознесеніи ума и сердца къ Богу. Но и тутъ легкомысленное пренебреженіе къ обрядамъ всегда составляетъ признакъ односторонняго и ограниченнаго пониманія. И для образованнаго человѣка обрядъ представляетъ типическое изображеніе религіозной идеи, отвѣчающее существенной потребности души, и вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливающее связь лица съ окружающимъ его религіознымъ міромъ, связь, которую онъ можетъ нарушить только во имя высшихъ убѣжденій, но которою онъ никогда не въ правѣ пренебрегать¹⁾. Какъ необходимое проявленіе религіознаго чувства, обряды не могутъ быть уничтожены. Люди, ратующіе противъ нихъ, желаютъ невозможнаго. Доколѣ религіозное чувство будетъ присуще душѣ человѣка, доколѣ онъ не будетъ имѣть возможности обходиться безъ внѣшняго богопочтенія. Исторія человѣчества служитъ лучшимъ тому подтвержденіемъ. Попытки нѣкоторыхъ историческихъ лицъ ввести религію безъ обрядовъ всегда кончались неудачей²⁾.

¹⁾ «Наука и религія» стр. 220—221.

²⁾ Наши русскіе сектанты штундисты, пользующіеся особеннымъ сочувствіемъ со стороны свѣтской печати за отрицаніе обрядовъ, отвергаютъ послѣдніе только на словахъ. Признавая напр. православные храмы учрежденіями, несогласными съ Священнымъ Писаніемъ, потому что Богъ живетъ не только во храмахъ нерукотворенныхъ, штундисты въ тоже время имѣютъ у себя дома специально устроенные

Изъ Евангельскихъ сказаній мы узнаемъ, что Иисусъ Христосъ весьма часто во время Своей земной дѣятельности молился. Такъ, когда чудеса, сотворенныя Имъ въ началѣ Его проповѣди, возбуждали въ народѣ многіе толки, и народъ стекался къ Нему слушать Его и врачеваться отъ болѣзней своихъ, то Онъ, замѣчаетъ евангелистъ Лука, «уходилъ въ пустынные мѣста и молился» (5, 15—16). Евангелистъ Маркъ передаетъ также, что когда Иисусъ Христосъ исцѣлилъ тещу Симона, и народъ, прослышавъ объ этомъ, сталъ, при наступленіи вечера, приносить къ Нему всѣхъ больныхъ и бѣсноватыхъ, то Онъ, «исцѣливъ многихъ страдавшихъ различными болѣзнями, и изгнавъ многихъ бѣсовъ», на другое утро, вставъ весьма рано, вышелъ и удалился въ пустынное мѣсто и тамъ молился» (I, 30—35). «Послѣ чудеснаго насыщенія пяти тысячъ человѣкъ пятью хлѣбами Спаситель, узнавъ, что народъ пораженный этимъ чудомъ, хочетъ провозгласить Его царемъ, ушелъ на гору для того, чтобы помолиться наединѣ» (Мѡ. 14, 23; Мр. 6, 46; Іоан. 6, 15). Кромѣ этихъ уединенныхъ молитвъ Иисусъ Христосъ неоднократно совершалъ молитвы и въ присутствіи всѣхъ или нѣкоторыхъ учениковъ. Ясное свидѣтельство объ этомъ мы находимъ въ девятой главѣ Евангелія Луки. «Въ одно время, читаемъ мы здѣсь, когда Онъ молился въ уединенномъ мѣстѣ, и ученики были съ Нимъ, Онъ спросилъ ихъ: за кого почитаетъ Меня народъ?» (9, 18). Разсказавъ затѣмъ объ исповѣданіи Петра, Лука продолжаетъ далѣе: «Дней черезъ восемь послѣ этого, взявъ Петра, Іоанна и Іакова, взошелъ Иисусъ на гору помолиться. И когда молился, видъ лица Его измѣнился, и одежда Его сдѣлалась бѣлою блистающею». (—28—29). Наученіе учениковъ молитвѣ «Отче нашъ» произошло также во время молитвы Спасителя: «Случилось, повѣствуетъ Лука, что ког-

да молитвенныхъ собраній. Обличая православныхъ за общественныя молитвы въ храмахъ, штундисты составляютъ молитвенныя собранія, на которыхъ происходятъ чтеніе и толкованіе Священнаго Писанія, дѣіе духовныхъ плѣноплѣн и пр.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о религиозныхъ воззрѣніяхъ штундистовъ читатель можетъ найти въ весьма интересной и обстоятельной статьѣ В. А. Маврицаго «Штундисты», помѣщенной въ «Правосл. Обозр.» 1881 г. Февр. и Мартъ.

да Онъ въ одномъ мѣстѣ молился, и пересталъ, одинъ изъ учениковъ сказалъ Ему: «Господи! научи насъ молиться, какъ Іоаннъ научилъ учениковъ своихъ. Онъ сказалъ имъ: когда молитесь, говорите: «Отче нашъ, сущій на небесахъ! да святится имя Твое...» (Лк. 11, 1—2). Ночь предъ страданіями Іисусъ Христосъ провелъ также въ молитвѣ. «Пришедши на мѣсто, называемое Геосиманія, повѣствуютъ евангелисты, Іисусъ сказалъ ученикамъ: Посидите здѣсь, пока Я помолюсь. И взявъ съ Собою Петра и обоихъ сыновей Зеведеевыхъ, началъ скорбѣть и тосковать. И сказалъ имъ: душа Моя скорбитъ смертельно; побудьте здѣсь и пободрствуйте со Мною. И отошедъ немного, палъ на землю (преклонилъ колѣна) молился и говорилъ: «Отче Мой! если возможно, да минуетъ Меня чаша сія; впрочемъ не какъ Я хочу, но какъ Ты» (Мѡ. 26, 36—44; Мр. 14, 32—39; Лк. 22 39—45).

Нѣкоторыя чудеса Іисуса Христа также сопровождались молитвою. Такъ предъ воскрешеніемъ Лазаря Онъ возвелъ очи къ небу и сказалъ; «Отче! благодарю Тебя, что Ты услышалъ Меня. Я и зналъ, что Ты всегда услышишь Меня; но сказалъ сіе для народа, здѣсь стоящаго, чтобы повѣрили, что Ты послалъ Меня» (Іоан. 11, 41—42). Молитвенное обращеніе Іисуса Христа къ Богу Отцу предшествовало и исцѣленію Имъ глухаго и косноязычнаго (Мр. 7, 34).

Постъ, безъ котораго не можетъ обходиться ни одинъ искренно вѣрующій человѣкъ, Іисусъ Христосъ также соблюдалъ. Предъ вступленіемъ Своимъ на проповѣдь Онъ постился, какъ извѣстно, сорокъ дней. Во время Своего общественнаго служенія Онъ, судя по Его отвѣту, данному Имъ Своимъ ученикамъ послѣ исцѣленія блѣсноватаго (Мр. 9, 29), постился неоднократно.

Но этого мало. Спаситель въ точности соблюдалъ весь обрядовый законъ Моисея: почиталъ еврейскіе праздники (Іоан. 2, 42—52; 19, 47; Іоан. 7, 14; 8, 2), посѣщалъ храмъ (Лк. 2, 42—52; 19, 47; 21, 37—38; Іоан. 7, 14; 8, 2) и синагоги (Мѡ. 4, 23; 13, 54; Мр. 1, 39; Лк. 4, 15; 6, 6), обличалъ небрежное отношеніе къ храму (Мѡ. 21, 12—13; Мр. 11, 15—17; Лк. 19, 45—46; Іоан. 2, 13—21) совершалъ пасху (Мѡ. 16, 17—20,

30; Мр. 14, 12—17; Лк. 22, 7—18; Иоан. 13, 1—2) ¹⁾. Если бы Иисусъ Христосъ не хотѣлъ установить обрядовую сторону въ новозавѣтной религіи, то странно было бы съ Его стороны исполнять въ точности всѣ обряды религіи ветхозавѣтной.

Но Иисусъ Христосъ не только Самъ исполнялъ правила внѣшняго благочестія, но и другихъ училъ тому же. Особенно часто Онъ останавливалъ вниманіе Своихъ учениковъ и слушателей на важности молитвы. Обличая молитву лицемѣрную, фарисейскую, Онъ всегда противопоставлялъ ей молитву искреннюю, сердечную. «Когда молишься, говорилъ Онъ, не будь, какъ лицемѣры, которые любятъ въ синагогахъ и на углахъ улицъ останавливаясь молиться, чтобы показаться предъ людьми. Истинно говорю вамъ, что они уже получаютъ награду свою. Ты же, когда молишься, войди въ комнату твою и затворишь дверь твою, помолись Отцу твоему, который втайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно (Мѡ. 6, 5—6). Когда стоите на молитвѣ, прощайте, если имѣете на кого, дабы и Отецъ вашъ небесный простилъ вамъ согрѣшенія ваши» (Мр. 11, 25). Молитесь и за обижающихъ васъ. (Лк. 6, 28). Въ притчѣ о мытарѣ и фарисеѣ Иисусъ Христосъ со всею наглядностію выяснилъ преимущество искренней молитвы предъ лицемѣрной. (Лк. 18, 10—14).

Относительно того, насколько молитва должна быть продолжительна, Иисусъ Христосъ не училъ. Правда онъ говорилъ ученикамъ: «молясь не говорите лишняго, какъ язычники; ибо они думаютъ, что въ многословіи своемъ будутъ услышаны» (Мѡ. 6, 7); но изъ этихъ словъ никакъ нельзя вывести, — какъ дѣлаютъ нѣкоторые, — будто Иисусъ Христосъ запрещалъ продолжительныя молитвы. Молитва не есть дѣло принужденное. Она является результатомъ религіознаго одушевленія. Полагать какія нибудь границы здѣсь нельзя. Онѣ опредѣляются степенью религіознаго чувства. Чѣмъ сильнѣе послѣднее, тѣмъ продолжительнѣе является и молитва. Въ

¹⁾ Пасху Иисусъ Христосъ совершилъ, надо полагать, по установленному у Евреевъ порядку. Изъ повѣствованій Евангелистовъ о тайной вечери мы узнаемъ, что вечера закончилась общимъ пѣніемъ (Мѡ. 26, 30; Мр. 14, 26).

приведенныхъ нами выше словахъ Иисусъ Христосъ осуждаетъ не просто продолжительныя молитвы, а молитвы, совершаемыя только для соблюденія формальнаго порядка. Такихъ продолжительныхъ молитвамъ Онъ, дѣйствительно, не придавалъ никакого значенія, какъ не придавалъ значенія и добрымъ дѣламъ, совершаемымъ въ какомъ бы то ни было количествѣ, но безъ участія сердца. Продолжительныя молитвы, совершаемыя съ участіемъ сердца, Христосъ не только не запрещалъ, но восхвалялъ. Притча о не милостивомъ судіи какъ нельзя лучше доказываетъ это. Вдова, наскучившая судѣ своими просьбами, выставляется здѣсь какъ примѣръ для подражанія. Если неправедный судія, говоритъ Спаситель, сжалился надъ усердно-просившей его женщиной, то «Богъ ли не защититъ избранныхъ Своихъ, вопіющихъ къ Нему день и ночь, хотя и медлитъ защищать ихъ?» (Лк. 18, 1—7). Поэтому то, объяснивъ ученикамъ, какого характера должна быть ихъ молитва (мы разумѣемъ молитву «Отче нашъ») ¹⁾. Онъ наставлялъ ихъ вслѣдъ за этимъ: «Положимъ, что кто нибудь изъ васъ, имѣя друга, прійдетъ къ нему [въ полночь, и скажетъ ему: другъ! дай мнѣ взаймы три хлѣба; ибо другъ мой съ дороги зашелъ ко мнѣ, и мнѣ нечего предложить ему; а тотъ извнутри скажетъ ему въ отвѣтъ: не беспокою меня, двери уже заперты, и дѣти мои со мною на постелѣ, не могу встать и дать тебѣ. Если, говорю вамъ, онъ не встанетъ и не дастъ ему по дружбѣ съ нимъ; то по неотступности его, вставъ, дастъ ему, сколько просить. И Я скажу вамъ: просите, и дано будетъ вамъ, ищите и найдете, стучите, и отворятъ вамъ. Ибо всякій просящій получаетъ, и ищущій находитъ, и стучащему отворятъ. Какой изъ васъ отецъ, когда сынъ попроситъ у него хлѣба, подастъ ему камень? Или, когда попроситъ рыбы, подастъ ему змѣю

¹⁾ Нѣкоторые думаютъ, что Иисусъ Христосъ, преподавъ ученикамъ молитву «Отче нашъ», тѣмъ самымъ заключилъ молитву въ извѣстныя рамки. Но подобное мнѣніе крайне ошибочно. Молитвою «Отче нашъ» Спаситель раскрылъ ученикамъ только духъ, въ которомъ молитва должна быть совершаема. Ниже мы увидимъ, что Иисусъ Христосъ даже поощрялъ учениковъ къ продолжительной молитвѣ.

вмѣсто рыбы? Или если попросить яйца, подастъ ему скорпіона? Итакъ, если вы, будучи злы, умѣете даянія благія давать дѣтямъ вашимъ; тѣмъ болѣе Отецъ небесный дастъ Духа Святаго просящимъ у Него» (Лк. 11, 5—13). Пророчество о разрушеніи Іерусалима Іисусъ Христосъ закончилъ слѣдующими словами: «Молитесь, чтобы не случилось бѣгство ваше зимою, или въ субботу» (Мѡ. 14, 20; Мр. 13, 18). Въ ночь предъ Своими страданіями Спаситель также наставлялъ Своихъ учениковъ молиться: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть вамъ въ искушеніе». (Мѡ. 26, 41; Мр. 14, 38; Лк. 22, 40, 46).

Молитву общественную Іисусъ Христосъ ставилъ выше единичной. «Истинно говорю вамъ, что если двое изъ васъ согласятся на землѣ просить о всякомъ дѣлѣ, то чего бы ни попросили, будетъ имъ отъ Отца Моего небеснаго; ибо гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ». (Мѡ. 18, 19—20).

Посту Спаситель придавалъ очень важное значеніе. Испѣливъ бѣсноватаго, котораго не могли исцѣлить Его ученики, Онъ сказалъ: «Сей родъ не можетъ выйти, какъ отъ молитвы и поста» (Мѡ. 17, 21; Мр. 9, 29). Когда фарисеи спросили Его, почему Его ученики не постятся, Онъ отвѣтилъ имъ: «могутъ ли печалиться сыны чертога брачнаго, пока съ ними женихъ? Но прійдутъ дни, когда отнимется у нихъ женихъ, и тогда будутъ поститься». (Мѡ. 9, 15). Относительно того, какъ нужно поститься, Спаситель далъ ученикамъ весьма ясное наставленіе «когда поститесь, не будьте унылы, какъ лицемѣры; ибо они принимаютъ на себя мрачныя лица, чтобы показаться людямъ постящимися. Истинно говорю вамъ, что они уже получаютъ награду свою. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не предъ людьми, но предъ Отцемъ твоимъ, и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно» (Мѡ. 6, 16—18).

Какъ относился къ обрядовому закону Моисея Іисусъ Христосъ Самъ, объ этомъ мы уже говорили. Ученики Его, во время Его жизни, также соблюдали обрядовыя постановленія въ точности. Іисусъ Христосъ училъ ихъ даже исполнять всѣ

постановленія книжниковъ и фарисеевъ. «На Моисеевомъ сѣдалищѣ, говорилъ Онъ имъ, сѣли книжники и фарисеи. И такъ все, что они велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте и дѣлайте: по дѣламъ же ихъ не поступайте; ибо они говорятъ, и не дѣлаютъ. Связываютъ бремена тяжелыя и неудобноносимыя, и возлагаютъ на плеча людямъ, а сами не хотятъ и перстомъ двинуть ихъ» (Мѡ. 23, 2—4).

Смерть и воскресеніе Спасителя положили рѣшительный конецъ Вѣтхому Завѣту. Многіе обряды потеряли уже свое значеніе и должны были прекратиться. На мѣсто ихъ явились другія внѣшнія формы богопочтенія. Нѣкоторыя изъ этихъ формъ установлены Самимъ Іисусомъ Христомъ, другія явились плодомъ развитія Христіанской Церкви. Къ числу первыхъ принадлежатъ: Крещеніе, замѣнившее собою обрѣзаніе и таинство Евхаристіи, ставшее на мѣсто вѣтхо-завѣтной пасхи ¹⁾. Къ числу вторыхъ принадлежатъ всѣ виды богослужебныхъ дѣйствій и церковныхъ обычаевъ.

И такъ, утвержденіе Толстого, что все внѣшнее богопочтеніе отвергнуто Спасителемъ, крайне несправедливо. Оно вытекаетъ, по нашему мнѣнію, изъ слишкомъ узкаго и односторонняго воззрѣнія на ученіе Іисуса Христа. Левъ Толстой совсѣмъ, можно сказать, не понимаетъ духа Христовой проповѣди. Онъ смотритъ на нее не глазами серьезнаго мыслителя—историка, а глазами самообольщеннаго диллетанта, который, высидѣвши извѣстную идейку, старается подогнать подъ нее все, что только ей благопріятствуетъ, думая, что она есть единая только святая истина, и что всѣ великіе люди, произведшіе переворотъ въ исторіи человѣчества, могли проповѣдывать людямъ не иное что, какъ только ее—эту идейку.

Чтоже касается мнѣнія Толстого, будто Іисусъ Христосъ «ясно и положительно отрицалъ учительство», то мы не станемъ разбирать его: мы говорили о немъ раньше. Скажемъ развѣ только нѣсколько словъ относительно того евангельскаго мѣста, на которомъ Толстой обосновываетъ свое воззрѣ-

¹⁾ Мы имѣли въ виду въ данномъ случаѣ внѣшнюю сторону таинствъ Крещенія и Евхаристіи.

ніе. Вотъ это мѣсто: «Фарисеи и книжники любятъ предвозлежанія на пиршествахъ и привѣтствія въ народныхъ собраніяхъ, и чтобы люди звали ихъ: учитель! учитель! А вы не называйтесь учителями, ибо одинъ у васъ учитель Христосъ; всѣ-же вы братья» (Мѡ. 23, 6 — 8). Для человѣка, свободнаго отъ всякихъ предвзятыхъ идей, ясно видно, что этими словами Іисусъ Христосъ обличаетъ не самое учительство, безъ котораго не можетъ уясняться людямъ ни одна идея, и отъ котораго не можетъ отказаться самъ Толстой, но тщеславіе учительствомъ. Въдѣ Толстой не утверждаетъ же, что Іисусъ Христосъ считалъ чувство любви сына къ отцу постыднымъ, а между тѣмъ вслѣдъ за вышеприведенными нами словами Спасителя объ учительствѣ мы читаемъ слѣдующее наставленіе: «И отцемъ себѣ не называйте никого на землѣ; ибо одинъ у васъ Отецъ, который на небесахъ» (—9). Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ такіа слова Спасителя: «Кто приходитъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ и сестеръ, и притомъ и самой жизни своей, тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ (Лк. 14, 26). Неужели изъ этихъ словъ Спасителя мы должны заключить, что Онъ проповѣдуетъ ненависть ко всѣмъ безъ исключенія роднымъ и къ жизни?...

Провозгласивши авторитетно Іисуса Христа врагомъ всякаго внѣшняго богопочтенія и учительства, Толстой продолжаетъ: «Не отъ времени Христа, приближаясь къ нашему времени, мы находимъ отклоненіе ученія отъ этихъ основъ, положенныхъ Христомъ. Отклоненіе это начинается со времени апостоловъ и, особенно, съ охотника до учительства Павла». Въ чемъ состоитъ искаженіе, которое будто-бы внесли апостолы въ ученіе Христа, Толстой по обыкновенію не говоритъ. Надѣясь на свой авторитетъ и свою популярность, онъ думаетъ, что ему повѣрять безъ всякихъ доказательствъ. Но подобный расчетъ Толстого ошибоченъ: его авторитетность признають далеко не всѣ. Если онъ желаетъ убѣдить читателей въ истинности своихъ сужденій, то долженъ на чемъ нибудь обосновать эти сужденія, а не произносить ихъ подобно оракулу.

Кто читалъ посланія Апостоловъ, и въ частности посланія Апостола Павла, на котораго въ особенности нападаетъ Толстой, тотъ безъ сомнѣнія не нуждается въ опроверженіяхъ на клевету послѣдняго: она совершенно очевидна. Мы сдѣлаемъ нѣсколько извлеченій изъ посланій апостольскихъ для тѣхъ лицъ, которымъ почему либо не приходилось читать ихъ.

«Какъ живые камни, пишетъ апостолъ Петръ, устройте изъ себя домъ духовный, священство святое, чтобы приносить духовныя жертвы, благопріятныя Богу Иисусомъ Христомъ» (1 Петр. 2, 5). «Возлюбленные! прошу васъ какъ пришельцевъ и странниковъ, удаляться отъ плотскихъ похотей, возстающихъ на душу, и провождать добродѣтельную жизнь между язычниками, дабы они за то, за что злословятъ васъ, какъ злодѣевъ, увидя добрыя дѣла ваши, прославили Бога въ день посѣщенія» (—11—12). «Будьте всѣ единомышленны, сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружелюбны, смиренномудры. Не воздавайте зломъ за зло, или ругательствомъ за ругательство, напротивъ благословляйте, зная, что вы къ тому призваны, чтобы наслѣдовать благословіе. Ибо кто любитъ жизнь, и хочетъ видѣть добрые дни, тотъ удерживай языкъ свой отъ зла и уста свои отъ лукавыхъ рѣчей, уклоняйся отъ зла и дѣлай добро; ищи мира и стремись къ нему» (—3, 8—11). «Болѣе же всего имѣйте усердную любовь другъ къ другу; потому что любовь покрываетъ множество грѣховъ. Будьте страннолюбивы другъ къ другу безъ ропота. Служите другъ другу, каждый тѣмъ даромъ, который получилъ, какъ добрые домостроители многообразной благодати Божіей» (—4, 8—10). «Не злословьте другъ друга, братія, увѣщааетъ ап. Іаковъ; кто злословитъ брата, или судитъ брата своего, тотъ злословитъ законъ и судитъ законъ; а если ты судишь законъ, то ты не исполнитель закона, а судья. Единъ Законодатель и Судія, могущій спасти и погубить; а ты кто, который судишь другаго?» (—4, 11—12). «Не любите міра, наставляетъ Іоаннъ Богословъ, ни того, что въ мірѣ: кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви Отчей. Ибо все, что въ мірѣ, похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть отъ Отца, но отъ міра сего. И міръ проходитъ и похоть

его, а исполняющій волю Божію пребываетъ во вѣкъ». (1 Іоан. 2, 15—17). «Не дивитесь, братія мои, если міръ ненавидитъ васъ. Мы знаемъ, что мы перешли изъ смерти въ жизнь, потому что любимъ братьевъ; не любящій брата пребываетъ въ смерти. Всякій ненавидящій брата своего есть человекоубійца, а вы знаете, что никакой человекоубійца не имѣетъ жизни вѣчной, въ немъ пребывающей. Любовь познали мы въ томъ, что Онъ положилъ за насъ душу Свою; и мы должны полагать души свои за братьевъ. А кто имѣетъ достатокъ въ мірѣ, но видя брата своего въ нуждѣ, затворяетъ отъ него сердце свое, какъ пребываетъ въ томъ любовь Божія? Дѣти мои! станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною». (—3, 13—18). «Возлюбленные! пишетъ ап. Іуда, сохраняйте себя въ любви Божіей, ожидая милости отъ Господа нашего Іисуса Христа для вѣчной жизни. И къ однимъ будьте милостивы, а другихъ страхомъ спасайте, исторгая изъ огня, гнушаясь даже одеждою, которая осквернена плотью» (1, 21—23). «Умоляю васъ, братія, милосердіемъ Божіимъ, читаемъ мы въ посланіяхъ ап. Павла, представьте тѣла ваши въ жертву живую, святую, благоугодную Богу для разумнаго служенія вашего, и не сообразуйтесь съ вѣкомъ симъ, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего, чтобы вамъ познать, что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная. По данной мнѣ благодати, всякому изъ васъ говорю: не думайте о себѣ болѣе, нежели должно думать; но думайте скромно, по мѣрѣ вѣры, какую каждому Богъ удѣлилъ. Ибо какъ въ одномъ тѣлѣ у насъ много членовъ, но не у всѣхъ членовъ одно и тоже дѣло, такъ мы многіе составляемъ одно тѣло во Христѣ, а порознь одинъ для другаго члены. И какъ по данной намъ благодати, имѣемъ различныя дарованія; то имѣешь-ли пророчество, пророчествуй по мѣрѣ вѣры; имѣешь-ли служеніе, пребывай въ служеніи; учитель ли—въ ученіи. Увѣщеватель ли—увѣщевай; раздаватель ли, раздавай въ простотѣ; начальникъ ли, начальствуй съ усердіемъ, благотворитель ли, благотвори съ радушіемъ. Любовь да будетъ непритворна; отвращайте зло, прилѣпляйтесь къ добру; будьте братолюбивы другъ къ другу съ нѣжностію; въ почтительности другъ друга предупреждайте, въ усер-

діи не ослабѣвайте; духомъ пламенѣйте; Господу служите, утѣшайтесь надеждою; въ скорби будьте терпѣливы, въ молитвѣ постоянны; въ нуждахъ святыхъ принимайте участіе, ревнуйте о страннопріимствѣ. Благословляйте гонителей вашихъ; благословляйте, а не проклиняйте. Радуйтесь съ радующимися и плачьте съ плачущими. Будьте единомысленны между собою; не высокоумствуйте, но послѣдуйте смиреннымъ; не мечтайте о себѣ; никому не воздавайте зломъ за зло; не печитесь о добромъ предъ всѣми людьми. Если возможно, съ вашей стороны, будьте въ мирѣ со всѣми людьми. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте мѣсто гнѣву Божию. Не будь побѣжденъ зломъ, но побѣждай зло добромъ» (Рим. 12, 1—21). «Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдъ звенящая или кимвалъ звучащій. Если имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы. Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ. Все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переносить. Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится». (1 Кор. 13, 1—8). «Весь законъ въ одномъ словѣ заключается: люби ближняго твоего, какъ самого себя. Если же другъ друга угрызаете и съѣдаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены другъ другомъ. Я говорю: поступайте по духу и вы не будете исполнять вожделѣній плоти. Ибо плоть желаетъ противнаго духу, а духъ — противнаго плоти. Они другъ другу противятся, такъ что вы не то дѣлаете, чтобы хотѣли. Если же вы духомъ водитесь, то вы не подѣ закономъ. Дѣла плоти извѣстны; они суть: прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, непотребство, идолослуженіе, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, разногласія (соблазны), ереси, ненависть, убійство, пьянство, безчинство и тому подобное. Предваряю васъ,

какъ и прежде предварялъ, что поступающіе такъ царствія Божія не наслѣдуютъ. Плодъ же духа: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. На таковыхъ нѣтъ закона. Но тѣ, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями. Если мы живемъ духомъ, то по духу и поступать должны. Не будемъ тщеславиться, другъ друга раздражать, другъ другу завидовать». (Галат. 5, 14—26). Если и впадетъ человѣкъ въ какое согрѣшеніе; вы духовные исправляйте такового въ духѣ кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушеннымъ. Носите бремена другъ друга, и такимъ образомъ исполните законъ Христовъ. Ибо кто почитаетъ себя чѣмъ нибудь, будучи ничто, тотъ обольщаетъ самъ себя. Каждый да испытываетъ свое дѣло, и тогда будетъ имѣть похвалу только въ себѣ, а не въ другомъ. Ибо каждый понесетъ свое бремя. Наставляемый словомъ дѣлится всякимъ добромъ съ наставляющимъ. Не обманывайтесь; Богъ поругаемъ не бываетъ. Что посѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ. Сѣющій въ плоть свою отъ плоти пожнетъ тлѣніе; а сѣющій въ духъ отъ духа пожнетъ жизнь вѣчную. Дѣлая добро, да не унываемъ, ибо въ свое время пожнемъ, если не ослабѣемъ. Итакъ, доколѣ есть время, будемъ дѣлать добро всѣмъ, а наипаче своимъ по вѣрѣ». (— 6, 1—10). «Заклинаю Господомъ, чтобы вы болѣе не поступали, какъ поступаютъ прочіе народы, по суетности ума своего, будучи помрачены въ разумѣ, отчуждены отъ жизни Божіей, по причинѣ ихъ невѣжества и ожесточенія сердца ихъ. Они, дошедши до безчувствія, предалися распутству такъ, что дѣлаютъ всякую нечистоту съ ненасытностію. Но вы не такъ познали Христа, потому что вы слышали о Немъ и въ Немъ научились, такъ какъ истина во Исусѣ, отложивъ прежній образъ жизни ветхаго человѣка, истлѣвающего въ обольстительныхъ похотяхъ, а обновиться духомъ ума вашего, и облечься въ новаго человѣка, созданнаго по Богу въ праведности и святости истины. Посему, отвергнувъ ложь, говорите истину каждый ближнему своему, потому что мы члены другъ другу. Гнѣваясь, не согрѣшайте; солнце да не зайдетъ во гнѣвъ вашемъ. И не давайте мѣста діаволу. Кто кралъ, впередъ

не крадь, а лучше трудись, дѣлая своими руками полезное, чтобъ было изъ чего удѣлять нуждающемуся. Никакое гнилое слово да не исходитъ изъ устъ вашихъ, а только доброе для назиданія въ вѣрѣ, дабы оно доставляло благодать слушающимъ. И не оскорбляйте Святаго Духа Божія, которымъ вы запечатлѣны въ день искупленія. Всякое раздраженіе и ярость и гнѣвъ, и крикъ, и злорѣчіе со всякою злобою да будутъ удалены отъ васъ; но будьте другъ ко другу добры, сострадательны, прощайте другъ друга, какъ и Богъ во Христѣ простилъ васъ. (Ефес. 4, 17—32). «Умертвите земные члены ваши, блудъ, нечистоту, страсть, злую похоть и любостыжаніе, которое есть идолослуженіе, за которыя гнѣвъ Божій грядетъ на сыновъ противленія, въ которыхъ и вы нѣкогда обращались, когда жили между ними. А теперь вы отложите все; гнѣвъ, ярость, злобу, злорѣчіе, сквернословіе устъ вашихъ; не говорите лжи другъ другу, соевлекшись ветхаго человека съ дѣлами его, и облечись въ новаго, который обновляется въ познаніи по образу создавшаго его: гдѣ нѣтъ ни Еллина, ни Іудея, ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, варвара, Скиѳа, раба, свободнаго; но все и во всемъ Христосъ. Итакъ, облечитесь, какъ избранные Божіи, святые и возлюбленные, въ милосердіе, благодать, смиренномудріе, кротость, долготерпѣніе, снисходя другъ другу и прощая взаимно, если кто на кого имѣетъ жалобу; какъ Христосъ простилъ васъ, такъ и вы. Болѣе же всего облечитесь въ любовь, которая есть совокупность совершенства. И да владычествуетъ въ сердцахъ вашихъ миръ Божій, къ которому вы и призваны въ одномъ тѣлѣ, и будьте дружелюбны». (Колос. 3, 5—15).

Теперь пусть читатель разсудить, честно ли поступаетъ Толстой, утверждая, что Апостолы учили людей главнымъ образомъ наружному фарисейскому благочестію. И въ чемъ же видитъ онъ главную причину искаженія Апостолами ученія Спасителя? Въ любви къ учительству. Мы совершенно не можемъ понять, какимъ образомъ любовь къ учительству можетъ вліять на характеръ самого ученія. Если воззрѣнія извѣстнаго человѣка истинны, то они никакъ не могутъ сдѣланы ложными отъ того, что этотъ человѣкъ желаетъ подѣ-

литься ими съ другими людьми. Мы знаемъ, что и Христосъ преподавалъ Свое ученіе людямъ чрезъ учительство. Однако же Толстой не считаетъ Его ученіе лживымъ и не осуждаетъ Его учительство. Почему же онъ такъ вооружается противъ учительства Апостоловъ?

Послѣ Апостоловъ ученіе Иисуса Христа, по мнѣнію Толстого, стало искажаться болѣе: «Чѣмъ дальше распространяется христіанство, тѣмъ больше и больше оно отклоняется и усвоиваетъ себѣ приемы того самаго внѣшняго богопочитанія и учительства, отрицаніе котораго такъ положительно выражено Христомъ. Но въ первыя времена христіанства понятіе церкви употребляется только какъ представленіе о всѣхъ тѣхъ, раздѣляющихъ то вѣрованіе, которое я считаю истиннымъ. Понятіе совершенно вѣрное, если оно не включаетъ въ себя выраженіе вѣрованій словами (но всей жизнью), такъ какъ вѣрованіе не можетъ быть выражено словами. Употреблялось еще понятіе истинной церкви, какъ доводъ противъ разногласящихъ, но до царя Константина и Никейскаго собора церковь есть только понятіе. Со времени же царя Константина и Никейскаго собора она становится дѣломъ, и дѣломъ обмана». —И такъ, болѣе всего искаженію ученія Иисуса Христа способствовала, по воззрѣнію Толстого, Церковь, когда она перешла изъ простаго понятія въ дѣло. Но мы должны замѣтить Толстому, что Церковь Христова никогда не была простымъ понятіемъ. Она всегда была дѣломъ, но только конечно не дѣломъ обмана. Мы видѣли уже, какія условія поставилъ Иисусъ Христосъ для поступленія людей въ Его общество. Могли ли эти условія быть выполнены, если бы Христосъ не установилъ церковной іерархіи? ¹⁾ Кто сталъ бы проповѣдывать Евангеліе царствія Божія людямъ послѣ Его воскресенія? Кто сталъ бы совершать установленныя Имъ таинства, а съ точки зрѣнія Толстого обряды? Кто сталъ бы руководить людьми послѣ того, какъ они сдѣлались членами Его Церкви? Спаситель, какъ извѣстно, вмѣнилъ все это въ обязанность Апо-

¹⁾ Толстой, говоря, что послѣ Константина Церковь стала дѣломъ, имѣть въ виду церковное управленіе.

столамъ. Имъ Онъ далъ право учительства (Мѡ. 28, 19); ихъ обязалъ совершать установленныя Имъ таинства (Мѡ. 28, 19, Лк. 22, 19, Мѡ. 18, 18), ихъ же назначилъ и управителями Церкви (Мѡ. 18, 15—18). Апостолы, выполняли завѣщаніе Спасителя со всею точностію ¹⁾, передали затѣмъ свое право епископамъ ²⁾. Послѣднимъ они заповѣдали передавать чрезъ таинственное рукоположеніе свою божественную власть и другимъ, нарочито избраннымъ и приготовленнымъ людямъ (2 Тим. 2, 2; Тит. 1, 15). Какъ выполняли свои обязанности поставленные самими Апостолами и ихъ преемниками епископы и пресвитеры, мы не будемъ говорить. Получившій свѣдѣнія по исторіи Церкви изъ самаго краткаго учебника знаетъ, что какъ до перваго Вселенскаго собора, такъ и послѣ него Церковь въ своемъ внутреннемъ устройствѣ была одна и та же ³⁾. Утвержденіе Толстого, что въ первыя времена христіанства понятіе Церкви употреблялось только какъ «представленіе о всѣхъ тѣхъ, которые раздѣляли то вѣрованіе, которое онъ—Толстой—считаетъ истиннымъ», противорѣчитъ исторіи: Христіанская религія никогда не исповѣдывалась христіанами въ томъ видѣ, въ какомъ представляетъ ее Левъ Толстой. Для Толстого фактъ воскресенія Спасителя есть мифъ. Искушительныя заслуги Христа—«выдумка поповъ». Но первенствующая Христіанская Церковь зиждется главнымъ образомъ на вѣрѣ въ эти догматы. Проповѣдь Апостоловъ была проповѣдію о Христѣ «распятомъ за грѣхи людей и воскресшемъ въ третій день по Писанію». Вотъ съ какими слова-

¹⁾ Мр. 16, 20; Дѣян. 2, 22—47; 8, 36—38; 10, 47—48; 1 Кор. 5, 1—13; 10, 16—17; 11, 22—34; 14, 12—20, 26—33, 37—40. I Тим. 2, 1—4; Евр. 13, 7—10; 2 Сол. 3, 6. 14—15.

²⁾ Дѣян. 14, 23; 20, 28; 1 Петр. 5, 12; 1 Кор. 2, 12—16; 1 Тим. 6, 20; 2 Тим. 1, 16; 4, 2; Тим. 2, 1—13.

³⁾ Желаяющимъ имѣть болѣе полныя свѣдѣнія о Церкви въ первые три вѣка отсылаемъ къ статьѣ Орфано: «Въ чемъ должна заключаться истинная вѣра каждаго человѣка».— «Чтен. въ общ. любит. духов. просвѣщ.» 1887 г. мартъ—апрѣль. Орфано проводитъ очень много выдержекъ изъ ученія о Церкви отцовъ и учителей первыхъ трехъ вѣковъ.

Въ 1888 году вышло въ свѣтъ довольно обстоятельное сочиненіе А. Молчанова: «Св. Кипріанъ Карфагенскій (жилъ въ III в.) и его ученіе о Церкви».

ми ап. Петрѣ обратился къ Израильтянамъ въ день пятидесятницы: «Мужи Израильскіе! выслушайте слова сіи: Иисуса Назаря, Мужа, засвидѣтельствовавшаго вамъ отъ Бога силами и чудесами и знаменіями, которыхъ Богъ сотворилъ чрезъ Него среди васъ, какъ и сами знаете, Сего, по опредѣленному совѣту и предвѣдѣнію Божію преданнаго, вы взяли и, пригвоздивъ руками беззаконныхъ, убили: но Богъ воскресилъ Его, расторгнувъ узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его... Мужи братія! да будетъ позволено съ дерзновеніемъ сказать вамъ о праотцѣ Давидѣ, что онъ и умеръ и погребенъ, и гробъ его у насъ до сего дня. Будучи же пророкомъ и зная, что Богъ съ клятвою обѣщалъ ему отъ плода чреслъ его воздвигнуть Христа во плоти, и посадить на престолъ его (Пс. 131, 11; 2 Цар. 7, 12), Онъ прежде сказалъ о воскресеніи Христа, что не оставлена душа Его въ адѣ, и плоть Его не видѣла тлѣнія (Пс. 15, 10). Сего Иисуса Богъ воскресилъ, чему всѣ мы свидѣтели. Итакъ Онъ бывъ вознесенъ десницею Божіею, и принявъ отъ Отца обѣтованіе Святаго Духа, излилъ то, что вы нынѣ видите и слышите... Итакъ твердо знай, весь домъ Израилевъ, что Богъ содѣлалъ Господомъ и Христомъ сего Иисуса, котораго вы распяли» (Дѣян. 2, 22—36). И когда Израильтяне, умилившись, спросили, что имъ дѣлать, то Петрѣ сказалъ: «Покайтесь, и да крестится каждый изъ васъ во имя Иисуса Христа для прощенія грѣховъ и получите даръ Святаго Духа» (—37—38). Тѣ же истины проповѣдывали и другіе Апостолы. Въ первомъ посланіи къ Коринѣянамъ ап. Павелъ пишетъ: «Я первоначально преподаю вамъ, что и самъ принялъ, т. е. что Христосъ умеръ за грѣхи наши, по Писанію, и что Онъ погребенъ былъ и что воскресъ въ третій день по Писанію, и что явился Кифѣ, потомъ двѣнадцати. Потомъ явился болѣе, нежели пяти стамъ братій въ одно время, изъ которыхъ большая часть донинѣ въ живыхъ, а нѣкоторые и почилы. Потомъ явился Іакову, также всѣмъ Апостоламъ, а послѣ всѣхъ явился и мнѣ, какъ нѣкому извергу (15, 3—8). Итакъ, я ли, они ли, мы такъ проповѣдуемъ и вы такъ увѣровали». (—11). Обличая далѣе Коринѣянъ за невѣріе ихъ въ воскресеніе мертвыхъ (надъ ученіемъ Христіанской религии о

воскресеніи мертвыхъ Толстой также глумится), апостоль Павелъ говоритъ: «Если о Христѣ проповѣдуется, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ; то какъ нѣкоторые изъ васъ говорятъ, что нѣтъ воскресенія мертвыхъ? Если нѣтъ воскресенія мертвыхъ, то и Христосъ не воскресъ. А если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра наша» (—12 —14). Какъ же Толстой беретъ на себя смѣлость утверждать, что въ первыя времена христіанства понятіе Церкви употреблялось какъ представленіе о тѣхъ, которые смотрѣли на христіанскую религію глазами его Толстого?...

Но Толстой, отрицая существованіе церковной іерархіи въ первые три вѣка, идетъ наперекоръ не одной только исторіи, но и простымъ здравымъ соображеніямъ. Если Церковь по своему существу есть внутреннее духовное общество вѣры (духовное собраніе душъ), соединенное во Христѣ, то оно несомнѣнно должно образовать общество съ начальниками во главѣ въ силу нравственной необходимости. «Психологически невозможно, говоритъ Шталь,—чтобы вѣра и дѣйствительная вѣра существовала безъ обнаруженія во внѣ, это необходимо какъ для славы Божіей, такъ и для пробужденія вѣры, потому что Церковь не есть только общество, собранное въ вѣрѣ, но и собирающееся для вѣры и для этой же цѣли она установлена Христомъ на землѣ» ¹⁾. Вотъ почему между прочимъ претензіи нѣкоторыхъ религіозныхъ реформаторовъ и сектантовъ утвердить христіанскую религію между людьми безъ посредничества церковной іерархіи всегда кончались неудачей. Кому не извѣстны тѣ рѣзкія сужденія, которыя Лютеръ въ началѣ высказывалъ противъ іерархическаго устройства Церкви! И однако же этотъ человекъ въ концѣ концовъ впалъ въ противорѣчіе. Въ письмѣ къ Амвросію Катарину онъ писалъ: «необходимый признакъ, по которому ты узнаешь Церковь, и который мы имѣемъ, есть крещеніе, евхаристія и главнымъ образомъ Евангеліе» ²⁾. А въ Ауг-

¹⁾ «Правосл. Обзоръ» 1883 г. май—іюнь «Отношеніе между Церковію и государствомъ по воззрѣнію протестантовъ» Я. Краутлиса. Стр. 135.

²⁾ Ibidem. 132.

сбурскомъ исповѣданіи Церковь опредѣляется такъ: «Церковь есть собраніе святыхъ, въ которомъ правильно совершаются таинства» ¹⁾. Но коль скоро Лютеръ призналъ необходимость двухъ таинствъ, то естественно долженъ былъ признать необходимость и іерархіи. Отрицая послѣднюю *de jure*, онъ признавалъ *de facto*: протестантскіе пасторы по своему положенію и своей дѣятельности имѣютъ много общаго съ православными пастырями Церкви. Напи сектанты, штундисты, идущіе по слѣдамъ протестантовъ, впадаютъ въ то же самое противорѣчіе ²⁾.

Впрочемъ, что говорить о религіозныхъ обществахъ? Безъ руководителей не можетъ существовать никакое общество. Толстой, выступая съ своими якобы богословскими сочиненіями, совсѣмъ не имѣлъ въ виду образовать изъ своихъ послѣдователей церковь. Между тѣмъ на дѣлѣ вышло нѣчто подобное. Ему волей-не волей пришлось принять положеніе учителя и руководителя, къ которымъ онъ относится съ такимъ пренебреженіемъ и злобою. Нѣкоторые изъ его послѣдователей и послѣдовательницъ не удовольствовались одними его писанными сочиненіями, а лично стали обращаться къ нему за совѣтомъ, что имъ дѣлать и какъ жить. И Толстой, вмѣсто того, чтобы отвѣтить имъ, что онъ не имѣетъ права учить ихъ, даетъ имъ довольно длинныя наставленія. Такъ, обратившимся къ нему съ вышеупомянутымъ вопросомъ дѣвушкамъ онъ совѣтуетъ заняться исправленіемъ книгъ, изданныхъ для народа ³⁾. Молодыхъ людей, также спрашивавшихъ его совѣта, онъ поощряетъ къ дѣятельности ⁴⁾. Чѣмъ же, спросимъ теперь, эти наставленія Толстого отличаются по своей формѣ отъ проповѣдей православныхъ пастырей, на которыхъ онъ такъ нападаетъ?

Толстой однако не ограничивается тѣмъ только, что отличаетъ Церковь первыхъ трехъ вѣковъ отъ Церкви послѣдую-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ См. «Штундисты». В. Маврицкаго. — «Правосл. Обзор.», 1881 г., февр., стр. 356.

³⁾ «Соврем. Изв.», 1887, № 78.

⁴⁾ «Новое Вр.», 1887, № 3964.

щаго времени. На Церковь послѣ 1-го Вселенскаго собора онъ смотритъ какъ на дѣло обмана. «Начинается, говоритъ онъ, тотъ обманъ митрополитовъ съ мощами, поповъ съ Евхаристіей, Иверскихъ, синодовъ и тому подобныхъ, которые такъ поражаютъ и ужасаютъ насъ и не находятъ достаточнаго объясненія по своему безобразію».

Подъ обманомъ съ мощами Толстой разумѣтъ не то только вымышленное имъ самимъ явленіе, будто «Кіевскіе митрополиты съ монахами набиваютъ соломой мѣшки, называя ихъ мощами угодниковъ», но и самое почитаніе мощей угодниковъ. Въ одномъ мѣстѣ разбираемаго нами сочиненія Толстой, какъ извѣстно, влагаетъ въ уста митрополитовъ слѣдующія слова: «Внѣшнее богочитаніе нужно; съ тѣхъ поръ какъ свѣтъ стоитъ, почитали мощи угодниковъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что православная Церковь, воздавая поклоненіе угодникамъ, тѣмъ самымъ отождествляетъ ихъ съ Богомъ.—И вотъ это-то почитаніе мощей угодниковъ, это-то чествованіе святыхъ мужей началось, по Толстому, послѣ Константина. Насколько основательно глумленіе Толстого надъ почитаніемъ мощей угодниковъ, объ этомъ мы уже говорили (а относительно его клеветы, будто православная Церковь считаетъ святыхъ мужей богами, мы не считаемъ нужнымъ даже говорить), а теперь мы замѣтимъ, что приурочивая начало почитанія мощей ко времени Константина, Толстой грѣшитъ противъ исторіи. Это почитаніе возникло во время гоненія на христіанъ. Развилось оно вполне естественно. Христіане собирали останки мучениковъ и хранили ихъ въ катакомбахъ,—а иногда и въ частныхъ домахъ. Останки естественно должны были возбуждать въ вѣрующихъ чувство благоговѣнія. Смотря на нихъ, христіане возносились мыслью къ пострадавшимъ за вѣру Христову. Уваженіе къ останкамъ мучениковъ было настолько велико, что Игнатію Богоносцу, послѣ того, какъ онъ былъ приговоренъ къ смерти, пришлось письменно умолять римскихъ христіанъ, чтобы они не сберегали его останковъ ¹⁾. «Оставьте меня, писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ

¹⁾ Храненіе останковъ мучениковъ сопровождалось для христіанъ большими

посланій, быть пищею звѣрей и посредствомъ ихъ достигнуть Бога. Я пшеница Божія: пусть измелютъ меня зубы звѣрей, чтобы я сдѣлался чистымъ хлѣбомъ Христовымъ. Лучше приласкайте этихъ звѣрей, чтобы они сдѣлались гробомъ моимъ и ничего не оставили отъ моего тѣла, дабы по смерти не быть мнѣ кому-либо въ тягость» ¹⁾. Если же такое уваженіе христіане оказывали останкамъ мучениковъ, то не меньшее почтеніе они должны были воздавать тѣламъ угодниковъ, удостоившимся нетлѣнія.

Въ ущербъ исторической правдѣ Толстой говоритъ и относительно таинства Евхаристіи, будто послѣднее вошло въ употребленіе послѣ Константина. Совершеніе таинства Евхаристіи еще въ вѣкъ апостольскій, какъ видно изъ Дѣяній Апостольскихъ (2, 42. 46; 20, 7—12), Соборнаго посланія апостола Іакова (2, 1—9) и нѣкоторыхъ посланій апостола Павла (1 Кор. 10, 14—22; 20, 18—34; 14, 12—20, 26—33; 37—40; 1 Тим. 2, 1—4; Евр. 13, 7—10) составляло самую существенную часть богослуженія. И уваженіе къ таинству Евхаристіи было такъ велико, что чинъ совершенія этого таинства былъ одинъ и тотъ же во всѣхъ церквахъ. До насъ дошло нѣсколько списковъ литургіи ап. Іакова ²⁾. Списки эти, конечно, позднѣйшіе. Что принадлежитъ въ нихъ самому ап. Іакову, трудно сказать. Но для насъ важно въ настоящее время главнымъ образомъ то обстоятельство, что чинъ совершенія Евхаристіи во всѣхъ спискахъ почти тождествененъ, между тѣмъ какъ другія части литургіи значительно разнятся.

неудобствами. Игнатій Богоносецъ по своему челоуѣколюбію не желалъ, чтобы его останки причиняли вѣрующимъ эти неудобства.

¹⁾ Мученики Колизея. Очерки изъ исторіи Римскаго амфитеатра. Перев. съ англійскаго Кіевъ. 1875 г. 42.

²⁾ Свидѣтельства въ пользу того, что дошедшая до насъ литургія съ именемъ Іакова принадлежитъ, дѣйствительно, ему, хотя не во всѣхъ подробностяхъ, которыя явились послѣ, собраны извѣстными западными учеными Ренодотомъ, Ассеманомъ, Даніэлемъ и др. Мы считаемъ излишнимъ приводить эти свидѣтельства, такъ какъ всѣ они приведены съ одной стороны г. Катанскимъ въ его статьѣ «Очеркъ исторіи литургіи нашей Православной Церкви», напечатанной въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1868 годъ ч. 2-я; а съ другой—Ловягинимъ (проф. С.-Петербург. Дух. Акад.) въ предисловіи къ переводу Греческой литургіи ап. Іакова.

Очевидно, литургія ап. Іакова, при своемъ широкомъ распространіи ¹⁾, измѣняясь въ тѣхъ или другихъ своихъ частяхъ, не измѣнялась въ главной своей части, т. е. въ той, которая принадлежитъ самому совершенію Евхаристіи.

Точно также начало почитанія Христіанами иконъ, относимое Толстымъ ко времени Константина, восходитъ къ несравненно болѣе раннему времени. Изъ изслѣдованій всѣхъ церковныхъ археологовъ видно, что у Христіанъ очень рано начали появляться изображенія священныхъ лицъ. Особенно они любили изображать Іисуса Христа съ Апостолами и Богоматеръ ²⁾.

Нѣкоторыя священныя изображенія, съ которыми связаны были воспоминанія объ особенно важныхъ событіяхъ, почитались Христіанами больше другихъ. Такое предпочтеніе однихъ иконъ предъ другими вполне естественно. Каждому извѣстно, какой интересъ въ людяхъ возбуждаетъ всегда предметъ, имѣющій какое нибудь отношеніе къ тому или другому важному историческому событію. Его стараются сохранить, какъ драгоценность. Почему же, спросимъ теперь, Христіанинъ не имѣетъ право почитать одни священныя предметы болѣе чѣмъ другіе?

Злоупотребленія чудотворными иконами, бывавшія иногда въ христіанской Церкви, нельзя обобщать. Уродливыя явленія вездѣ случаются—и въ жизни физической, и въ жизни нравственной и въ жизни религіозной. Но странно было бы на основаніи этого утверждать, что всѣ люди какъ въ физическомъ, такъ и въ религіозно-нравственномъ отношеніи уроды.

Что же касается упрека, дѣлаемаго Толстымъ Святѣйшему Синоду, то неосновательность его доказывается исторически—

¹⁾ Изъ изслѣдованій ученыхъ открывается, что литургія ап. Іакова употреблялась не только въ Іерусалимѣ и епархіяхъ, относящихся къ Іерусалимскому патриархату, но и въ нѣкоторыхъ Западныхъ странахъ—въ Сициліи, Апуліи и Галабріи.

²⁾ См. «Римскія катакомбы и памятники первоначальн. Христ. искусства». А. фонъ-Фрикентъ. Ч. 3-я. «Изображеніе Спасителя, Богоматери и Апостоловъ у первыхъ Христіанъ».

Весьма интересна также статья Шульца «Культурно-историческіе очерки изъ Христіанской древности. День въ Римѣ въ 200 г. по Р. Х.»—Эта статья переведена была въ «Правосл. Обзоръ» 1883 г. № 3.

ми фактами. Синодъ не только никогда не потворствовалъ религиозному обману, но всегда предохранялъ отъ него вѣрующихъ. Въ русской Церкви, съ утвержденіемъ Синода, явился, какъ извѣстно, и «Духовный регламентъ», въ которомъ архіереямъ дѣлается наставленіе, чтобы они оберегали Церковь отъ невѣжественныхъ суевѣрій. «Во второй части, трактующей о дѣлахъ управленію подлежащихъ», мы читаемъ слѣдующее: «О мощахъ святыхъ, гдѣ какія явятся, быть сумнительныя, розыскивать; много бо о семъ напутано, напримѣръ: предлагаются чуждыя нѣкія. Святого первомученика Стефана тѣло лежитъ и въ Венеціи, въ монастырѣ Бенидиктинскомъ, въ церкви святаго Георгія; и въ Римѣ въ загородной церкви св. Лаврентія. Такожъ много гвоздей Креста Господня, и много млека Пресвятыя Богородицы по Италіи, и иныхъ симъ подобныхъ безъ числа. Смотрѣть же, нѣсть ли и у насъ такового бездѣлія. О иконахъ святыхъ смотрѣть того, что во общаніи поставляемыхъ епископовъ написано. Еще сіе наблюдать, чтобы какъ дѣялось, впредь бы того не было, понеже сказуютъ, нѣцыи архіереи, для вспоможенія церквей убогихъ, или новыхъ построенія, повелѣвали приискивать явленія иконы въ пустынѣ, или при источницѣ; и икону оную за самое обрѣтеніе свидѣтельствовали быти чудотворную» ¹⁾.

¹⁾ «Духовный регламентъ». Ч. 2-я. Стр. 14—15.